

Наталья Бутырская

ИДЕАЛЬНЫЙ
ДОНОР

Идеальный донор

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Герой

«Наталья Бутырская»

2022

Бутырская Н. В.

Идеальный донор. Герой / Н. В. Бутырская — «Наталья Бутырская», 2022 — (Идеальный донор)

Шен покидает Академию Кун Веймина и отправляется в путешествие по стране, на этот раз без руководства мудрых наставников и обязательств перед нанимателями. Перед ним сейчас лишь одна задача - отыскать секту.

© Бутырская Н. В., 2022

© Наталья Бутырская, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Герой

Глава 1

Господин дух

Единственный след, который оставляет человек, лежит в памяти других людей. Это касается и всей жизни, и наследования идей, и, в том числе, следа, по которому может пройти опытный сыскарь. Жоу не зря распинался передо мной столько дней. Потому чтобы меня не нашли даже после уничтожения меток и кровавых запахов, я должен избегать людей, пусть даже это и замедлит достижение моей цели.

Одинокий путник привлечет ненужное внимание. Никто не ходит в одиночку по дорогам между городами, и уж тем более мальчишка со взрослым копьем.

Поэтому я ушел с дороги сразу же, как покинул пределы Киньяна.

Несмотря на бессонную ночь, усталости не было, и спать не хотелось. Бежалось хорошо и в охотку, немного мешался хуа цян и налипающая на ноги грязь, но стоило покинуть сырую низину, как начались луга с ранней весенней травой, уже общипанной козами и овцами, и стало полегче.

Лесов вокруг столицы не было, лишь отдельные сыхэюани, окруженные аккуратно подобранными деревьями и кустарниками, да небольшие деревушки с прилегающими полями и тонкими полосками каналов. Новые, недавно построенные поместья невыгодно отличались от старых тем, что территория вокруг них еще не была доведена до безупречного состояния. Идеально, чтобы постороннему человеку казалось, что это естественные заросли, которые случайно разместились так, чтобы приоткрывать вид на самые красивые места: небольшой прудик, полянку с нежными едва заметными цветами, красиво изогнутое одиночное дерево. И, естественно, охранники в поместье должны свободно просматривать все пространство вокруг. Жаль, что сейчас еще не время цветения, и я видел лишь едва зазеленевшие деревья и пробивающиеся ростки.

В Академии нам почти не рассказывали об искусстве правильного расположения объектов. Кун Веймин не придавал ему большого значения, зато госпожа Джин Роу любила рассуждать о этом. Говорила, если дом выстроен на неправильном месте, если расположение комнат не продумано заранее, если мебель поставлена кое-как, то в таком доме и жизнь потечет неправильно, непродуманно и небрежно.

– Даже в букете каждый цветок и каждая травиночка должны быть к месту. И у всего есть свое значение и свое место. Когда собираю букет, я должна сделать так, чтобы любой, кто взглянул на него, почувствовал мое настроение.

Может, Кун Веймин зря пренебрегал этим искусством? Может, если бы он выстроил Академию согласно правилам, тогда бы все пошло иначе? Да и мы с Теданем и Мэй не особо задумывались о красоте при постройке нашего дома. Хотя я был уверен, что господин Кун провел детство в старом сыхэюане, где каждую досочку и каждый камень клали в соответствии со всеми писанными и неписанными правилами, с высеченными массивами, под речитатив нужных слов. Насколько это повлияло на его жизнь?

В призрачном свете луны и под заклинанием ночного зрения я бежал в стороне от дороги, огибая поместья и деревни, которых возле Киньяна было предостаточно. Медленно тянулись залитые водой поля, на которые со дня на день будут высаживать зеленые пучки риса. Я хотел до утра покинуть столь густо населенную территорию, потому щедро вливал Ки в ноги, легкие и

сердце, подкрепляя свои силы изрядными порциями энергии. И бежал, бежал, бежал. Хуа цян с каждым шагом становился все тяжелее, и я то и дело перекидывал его на плечо, перекладывал из руки в руку, несколько раз безуспешно пытался закрепить на поясе при помощи веревки. Понятно, почему в армиях копыа возят в обозах, а не тащат сами солдаты: пока такую палку дотащишь, устанешь неимоверно.

Через какое-то время даже вливания Ки перестали помогать, да и за спиной понемногу разгоралась заря. Скоро крестьяне начнут выходить из домов, чтобы покормить скотину и заняться привычными делами. Я перешел с бега на быстрый шаг, обмотал копьё тряпками так, чтобы оно издали походило на тяпку, ссутулился и продолжил идти. Уже виднелись рощицы, которые потом перейдут в редкий светлый лес, а он будет тянуться вплоть до Равнинного моря, где мой учитель Шрам чуть не оставил ногу. И сейчас мне хотелось побыстрее добраться туда, хотя я немного побаивался равнин, а потому заранее продумал всевозможные проблемы, которые мне могут встретиться на пути, и подобрал разные способы их решения. В основном, магические и начертательные.

Я и сейчас не был беззащитен. Поставил круговой защитный массив, снаружи начертил массив, скрывающий движение Ки, так что даже через магическое зрение я буду выглядеть обычным пареньком. Ну да, обычным пареньком с хуа цяном, изогнутым мечом и без именной таблички. Первый же патруль схватит меня и, в лучшем случае, отберет оружие, а в худшем, возьмет с собой в город, чтобы проверить по спискам преступников.

Когда солнце поднялось на ладонь выше горизонта, я остановился в рощице, отыскал место посуше, разложил одеяло и лег спать. Здесь я боялся больше людей, чем диких животных, так как это была патрулируемая территория, всех опасных зверей давно уничтожили, а остальные научились осторожности, но все же поставил дополнительный защитный массив в форме купола.

Проснулся от того, что весеннее солнце изрядно пропекло мне бок и голову. Очень хотелось пить, а когда я попытался встать, то обнаружил, что мышцы ног задеревенели. Это сказывалась долгая зима, проведенная за стенами Академии, постоянное сидение в архивах, сокращение количества тренировок, а также злоупотребление Ки вчера. Я помнил еще по Черному району, что если много вливать Ки в мышцы, то становишься сильнее, быстрее и выносливее, но на следующий день болевая отдача в несколько раз выше. Растер ноги, как смог, выпил воды, перекусил припасами из магического мешочка и побрел дальше.

Сегодня я не собирался мчаться с той же скоростью, что и вчера. Пусть листья на деревьях еще полностью не распустились, тут меня заметить гораздо сложнее, чем на безлесном пространстве. А через некоторое время ноющие мышцы разогрелись, и идти стало легче. Кроме того, сейчас мне следовало быть очень внимательным. Мне нужно было найти деревню Три Столба. Если идти прямо по дороге, то по описаниям Жоу заблудиться невозможно. Но я-то шел не по дороге и даже не совсем рядом. То и дело приходилось пробираться обратно и проверять, не завернул ли я слишком далеко на юг, не пропустил ли поворот. Самый простой способ убедиться в том, что поселение – правильное, – это спросить у его жителей название. Второй по простоте способ – спросить название в соседнем поселке и уточнить, какая деревня будет дальше на запад. Увы, оба эти способа мне не подходили. Потому я отсчитывал повороты и развилки.

Весенняя природа меня завораживала. Я понял, что никогда по-настоящему и не видел весну. В Цай Хонг Ши времена года выражены не так ярко, зимой снег выпадал очень редко и почти сразу таял, Лес за высокими стенами по большей части оставался таким же зеленым и темным. Да и Серый район недаром так назывался: сплошной серый камень и жалкие поросли травы, пробивающиеся через него, которые вытаптывались прежде, чем наберут красок. В Черный район я попал как раз примерно в это время, но там уже всю буйствовала зелень.

Уверен, что весна в сыхэюане Джин была великолепной. Госпожа Роу, должно быть, устраивала небольшой праздник по поводу первых листочков, а потом любовалась цветущими деревьями и нежными первоцветами. Жаль, я прожил в их доме так недолго.

В Академии почти не замечаешь смены сезонов, так как большую часть времени проводишь за книгами, учебой и тренировками. В прошлом году в это время мы работали в деревне по уши в грязи, и там было вообще не до цветочков и листочков.

Зато сейчас я замечал, как распускались почки на деревьях, как расправляли дрожащие листочки кусты, как с каждым днем и даже с каждым часом все зеленее становился лес. Упорные ростки пробивались сквозь плотный ковер прошлогодних прелых листьев и сразу же принимались наливать цвет и расти. Вслед за растениями откуда-то появились насекомые. Утром я с восторгом наблюдал за тяжелым полетом огромного пушистого шмеля, а уже к вечеру встретил первую бабочку, которая растеряннo хлопала крыльями на голой ветке.

Так что когда спустя несколько дней я добрался до нужной деревни, природа вокруг преобразилась. Теперь меня сложнее было заметить, и я смог идти ближе к дороге. Но даже так мне пришлось изрядно попетлять, зато после таких глупых метаний меня уже точно никто не отыщет. Если, конечно, Жоу не расскажет о своей работе на меня.

Я мог сколько угодно избегать людей, прятаться днем, точно дикий зверь, и идти лишь по ночам. Но Кун Веймину достаточно спросить у Жоу, где тот был и что искал, и я окажусь весь как на ладони. У меня мелькала дурная мысль, что проще уничтожить источник опасности, чем надеяться на его честность. Это было бы несложно. Достаточно махнуть рукой, гирька кистеня вылетит и пробьет Жоу висок, он даже дернуться не успел бы. По нему видно, что он далеко не воин. Но я сообразил, что смерть Жоу будет расследовать сам Зинг Ян Би, Жоу и сам должен был оставить немаленький след за собой, плюс его охранники... Убив Жоу, я бы прямо указал, как можно выяснить мой маршрут. Потому что он и остался жив.

Хотя я опять обманывал себя. Оправдания пришли гораздо позже. Сперва пришлось омерзение от появления самой такой мысли. Я бы не смог. Да, я убивал, но защищаясь, в пылу, когда у меня не было времени обдумать свои шаги.

Я не боец. И Харскуль зря потратил время на мое обучение. Я изучал копейный бой как любую другую науку, мне нравилось отрабатывать новые финты, я приходил в восторг, когда умудрялся отбить хитрый удар, но я не хотел убивать. Не хотел сражаться всерьез. Поэтому и ушел с уроков Старшей сестры. Ее наука заключалась лишь в убийствах.

Подсчитав количество дворов и разглядев описанные Жоу приметы, я обогнул деревню Три столба и едва не попался на глаза одинокой девушке, которая стояла на южной окраине. Она смотрела куда-то в лес, не двигалась и, казалось, даже не дышала. Странное поведение для крестьянской дочери. В самую страду ей позволили гулять без дела. Кого она ждала? Возможно, к ней раньше прибегал парень из секты, и теперь она страдала от тоски по возлюбленному. А, может, ее отец ушел в лес собрать немного смолки, и она его караулит. Хотя вряд ли. Я еще по прошлой практике понял, что крестьяне, живущие возле Киньяна, избегали лесов. Не ходили ни за грибами, ни за дичью, только приказ старосты или приезжего чиновника мог превозмочь эти страхи, но и тогда они шли туда группами. Среди них бродили разные дикие слухи о чудовищах, населяющих леса, о злых духах и коварных существах.

Из-за девушки пришлось углубиться в заросли еще дальше. Я отодвигал ветку за веткой, осторожно выбирая путь, как вдруг меня отбросило на несколько шагов назад. Стрела? Копье? Дротик? Хуа цянem пошарил в траве перед собой и нашел укороченное копьe со сплюснутым острием. По спине прошел озноб. Если бы не защитный массив, меня бы пронзило насквозь.

Жоу упоминал ловушки, но я почему-то решил, что после переезда секта подчистила за собой территорию. Идиот! Хорошо хоть хватило ума поставить массив.

Дальше я продвигался еще медленнее. Думаю, даже не очень торопливая черепаха смогла бы обогнать меня. Магические ловушки я находил благодаря магическому зрению, а вот обыч-

ные, наподобие того же копья, обнаруживал мой массив. Один раз я не заметил шелковую нить и получил удар в спину, а потом чуть не свалился в яму, на дне которой заприметил колючки с палец длиной.

На месте крестьян из Трех Столбов я бы точно уверовал в злых духов, что убивают непрощенных гостей.

У меня мелькнула мысль обезвредить все ловушку, сделать этот лес безопасным, но после облачка розового дыма, что вылетел из скрытого дупла после тыкания в магическую ловушку, я передумал. Никакой массив не спасет меня от яда! Я спасся лишь потому, что издали швырнул в нее сгусток Ки, облако не смогло до меня добраться и рассеялось. На всякий случай, я обошел это место стороной.

Чем дальше я заходил в лес, тем больше магических ловушек там было. И это было мне на руку, их я хотя бы видел.

Как уходили сектанты? У них на руках были задурманенные девушки, животные, скарб, телеги. Как они сумели пройти между ловушек? Если только... И тут я хлопнул себя по лбу. Конечно, больше всего они опасались людей, которые могли прийти со стороны деревни или дороги, потому именно здесь ловушки и стояли. Уверен, что с другой стороны поселения ловушки стоят выборочно и редко.

Наконец я добрался до частокола и медленно пошел вокруг него. В одном месте ограда была разобрана, и стоящие колья были лишь наспех воткнуты в рыхлую землю. Я убрал несложную ловушку, выдернул пару кольев и проскользнул внутрь.

Дома, сараи, загоны. Все, как и говорил Жоу. Я зашел в самый большой дом. За зиму тростниковая крыша прохудилась, местами прогнила, и весенние дожди изрядно испортили обстановку внутри. Я заметил даже парочку робких бледных ростков, которые тянулись вверх, не зная, что в этом году они не смогут увидеть солнце. В углу были свалены бесформенной кучей соломенные матрасы и деревянные брусочки-подушки. Глиняные миски и обломки горшков. Чей-то забытый халат. Сперва я подумал, что никакого отопления в доме нет, потому что тут не было кана или другой печи, а потом увидел дыру в полу посередине дома, обложенную изнутри и по краям плоскими камнями. Внутри было место для небольшого огненного камня. Не было светильников ни масляных, ни магических.

В другом длинном доме было примерно то же самое и еще ткацкие станки. Видимо, брали лишь самое необходимое. В небольших домиках жили по одному и гораздо лучше. Там стояли и открытые шкафы, в которых, скорее всего, хранили свитки, были кровати с выемками для огненных камней, чтобы можно было спать, не боясь отморозить спину. Я обыскал каждый домик в надежде отыскать хотя бы один забытый листок бумаги, но ничего не нашел.

На широкой утоптанной в камень площадке мальчишки, видимо, занимались боевыми искусствами.

Я надеялся, что поселение сектантов позволит узнать больше о них, но пока ничего нового не обнаружилось. Поэтому я устроился на ночь в одном из маленьких домиков, где разжег огонь, приготовил похлебку в уцелевшем горшке и уснул в тепле под крышей.

Наутро я решил обойти поселок еще раз, а потом уже последовать за сектой. В дальнем конце в частоколе нашел калитку, открыл ее, там еще не до конца заросла тропинка. Я не рассчитывал увидеть что-либо, кроме выгребных ям. Крестьяне тщательно собирали свои отходы для удобрения полей, здесь же земледелием особо не увлекались. И на самом деле, я прошел мимо хлипких сооружений, из которых знакомо пахло, но тропинка на этом не закончилась.

Я остановился не сразу и не сразу понял, что вижу перед собой. Иссохшее почерневшее тело, обрезанные черные с проседью волосы, тело большей частью прикрыто тканью неизвестного цвета, обломанные гнилые зубы торчали из раскрытого рта. А за ним еще одно тело примерно в таком же состоянии. Жоу говорил, что короткие волосы были у рабынь-старух.

Возможно, сектанты не стали возиться с ними и убили перед дорогой. И здесь не было магических ловушек. Ни одной.

Я осторожно отступил назад, под ногой что-то хрустнуло. Я вскинул хуа цян, ожидая, что вот-вот откуда-то вылетит стрела. Сектанты могли специально убрать видимые ловушки, чтобы усыпить бдительность. Но все было тихо. Тогда я приподнял ногу и посмотрел, на что наступил.

Кость. Потемневшая коричневая кость. Я разгреб ступней землю, чтобы понять, чья это кость, потом опустился на колени и начал копать руками. Из рыхлой земли на меня смотрел пустыми глазницами череп, человеческий череп, крошечный, чуть больше моего кулака.

Наверное, один из младенцев умер при рождении. Такое бывает. Особенно когда поблизости нет врачей. А потом дикие животные выкопали его и оттащили в сторону. Такое тоже бывает, убеждал я себя, но почему-то внимательно осмотрел землю вокруг и понял, что трупы старух лежат тут не просто так. Они выброшены, как мусор, в специально отведенное для мусора место. Я срубил крепкую ветку, не желая осквернять копье, аккуратно оттолкнул крупные тела, разгреб тонкий слой почвы и почти сразу наткнулся на еще одно крошечное тельце с сохранившимся еще тоненьким пушком на голове. А рядом с ним еще и еще. А под ними виднелись и другие маленькие косточки.

Жоу говорил, что видел только мальчиков. И мужчин. Похищенные девушки и несколько взрослых женщин. А что сектанты делали с новорожденными девочками?

Я стоял и смотрел на эту яму с костями, а внутри меня не было ничего: ни гнева, ни отвращения. Только глупые мысли насчет того, почему тела не были растащены дикими животными. Впрочем, все крупные звери вокруг селения были уничтожены или распуганы ловушками, а жукам и мухам все равно где поедать плоть. Убивали ли детей или бросали их сюда еще живыми? Детский плач может далеко разноситься по лесу, но суеверные крестьяне приписали бы его злобным духам и не пошли бы искать источник шума.

И вдруг, неожиданно для самого себя я крутанул хуа цян и с силой ударил по небольшому дереву за спиной. Раздался треск, и я испуганно осмотрел копье. К счастью, это сломался тоненький ствол, и едва зазеленевшие ветви мягко опустились на трупы, прикрывая их.

Тогда я прошелся вокруг ямы и сломал все деревца рядом с ней, пряча тела. Затем поднял руку и швырнул огненное заклинание. Свежие ветки не хотели заниматься, зато вспыхнула одежда несчастных рабынь. Я попытался еще раз выпустить огонь, но кристаллы с Ки оказались пусты. Сам того не осознавая, я умудрился опустошить их одной лишь мыслью. Вдох – они наполнились энергией. Выдох – жар опалил лицо.

Ни гнева. Ни страха. Только дышать было трудно, словно кто-то невидимый вонзил руку в центр груди, стиснул сердце и сжал легкие.

Вдох – Ки в кристаллы. Выдох – пламенная стрела полетела в сторону селения, но разлетелась на искры, врезавшись в дерево. Я зарычал и помчался по тропинке обратно внутрь частогокола, и там выпустил пламенное заклинание в первый попавшийся дом. Сухой тростник вспыхнул сразу же, и на мгновение сжатый кулак в груди ослабил хватку. Тогда я прошелся по всему поселку, сжигая каждый дом, каждое строение, а в конце подпалил частокол. В небо устремились жирные густые клубы дыма. Защитные массивы спасали меня от ломающихся стен и летающих с крыш огненных пучков, но от жара я не прятался. По лицу катились крупные капли пота, волосы потрескивали на голове, губы покрылись корочкой. А я все швырял и швырял огненные заклинания, пока не выдохся.

Лишь когда на месте селения осталось выжженное пятно, и ветер уже не раздувал искры, а раскидывал остывший пепел по лесу, я смог заставить себя уйти. По крайней мере, они уже никогда не вернутся сюда. Вряд ли они заново захотят строить дома на пепелище.

Наверное, я выглядел очень страшно. Весь в черных пятнах, с серыми полосками дорожек от пота и, возможно, слёз, с черным копьем, черной одежде, пропитанный насквозь запахом дыма.

– Простите, господин дух!

Я поднял голову и увидел перепуганную девушку. Она прижимала руку к груди, словно пыталась удержать трепыхающееся сердце внутри, но все же осмелилась обратиться ко мне.

– Простите, господин дух! Вы не видели там, в лесу, благородного господина? Я жду его возвращения.

– Там никого не осталось, – еле выдавил я из пересохшего обожженного горла. Голос прозвучал как будто с самого Дна Пропasti: скрипуче, надрывно и мерзко.

Она вскрикнула и залилась слезами.

Кажется, я сбился с пути и вышел на опушку леса возле деревни. Я повернулся и пошел в другую сторону. Достаточно было и того, что девушка меня увидела, мелькать перед целой деревней я не собирался.

Глава 2

Великий маг

То, что я вышел за пределы, патрулируемые столичными войсками, стало понятно почти сразу. Теперь я мог идти всего в паре десятков шагов от дороги – вырубки по краям уже не было. Лес густел, звенел и пах.

Несколько раз пришлось обходить кусты, увешанные желтыми сережками, с которых при малейшем дуновении воздуха срывалась пыльца, не хотелось прочувствовать на себе воздействие «радужного ветерка». Неподалеку от кустов сидели серые с синей грудкой птицы, разевали рот и ловили пыльцу. Я взмахнул хуа цянем и сбил несколько птиц. Они упали на спину и продолжали разевать рот, даже не пытаясь взлететь. Я скрутил их, завернул в тряпки и уложил в мешочек. Вечером смогу запечь их на костре и не тратить время на охоту.

Этот лес отличался от того, что рос возле Цай Хонг Ши. Деревья были мельче и росли реже, понизу не было такого буйства растительности, меньше летало мошкары и прочих кусачих насекомых. Под массивом, скрывающим мою Ки, я был невидимкой для тех животных, что ориентировались при помощи магического зрения.

Я старался не думать о секте и о находках на месте ее селения, не знал, что буду делать, когда отыщу ее новое место. Прежде я хотел поговорить с ними, понять, в чем их цель, к чему они стремятся, как живут, сейчас же все это казалось неважным. Сердце все еще было стиснуто незримой рукой и болело. Я даже проверил себя исследующим заклинанием, но не нашел ничего подозрительного.

Когда начало смеркаться, я забрался поглубже в лес, выкопал там яму, уложил ветки, свернул шею птичкам, которые только-только начали приходить в себя. Для защиты я поставил целый каскад, который окружал место стоянки точно купол, сверху не стал ставить маскировочный массив, достаточно было того, что был лишь вокруг меня. Вряд ли случайный караван сможет заметить синеватое мерцание вдалеке от дороги.

Проснувшись, я сначала подумал, что слишком рано, и все еще не рассвело. Но сна не было ни в одном глазу. Я вгляделся в небо и не увидел ни сероватых пятен туч, ни мерцания звезд. Просто густой и непроглядный мрак. Вдруг на мгновение сбоку мелькнуло светлое пятнышко и тут же исчезло. Я вытащил камнесвет, влил Ки и обнаружил, что он освещает все лишь по контуру моего купола. Приглядевшись, я заметил тысячи крошечных лапок и сотни червеобразных брюшек, облепивших купол снаружи. А в магическом зрении увидел, что ярко-синие линии каскада изрядно потускнели, и через час он рассыпется из-за истощения, как будто он отразил не один десяток атак. Но я бы проснулся, если бы кто-то крупный напал.

Тогда я поджег одну ветку и провел по линиям каскада. С этого места взмыли десятки серо-коричневых бабочек. Отлетели и снова потянулись обратно. Огнем я прорубил себе выход из купола и посмотрел на него снаружи. Он на самом деле оказался облеплен одинаковыми бабочками, они распахнули невзрачные крылья, пытаясь захватить как можно большую площадь, но сверху на них садились их собратья и укрывали купол двумя и даже тремя слоями. Судя по всему, эти бабочки научились как-то вбирать в себя Ки из массивов и любых предметов, содержащих магическую энергию. Несколько бабочек уже нацелились на камнесвет, все еще горящий в моей руке. Вряд ли они могли извлечь много Ки, скорее всего, им требовался не один час даже для поглощения одной единицы, но за ночь они почти смогли истощить не самый маленький каскад, в который я влил больше сотни Ки. При этом их касания были настолько легки и незаметны, что защитный массив не отталкивал их. Было бы глупо настраивать печати на столь незначительные касания.

Мне стало любопытно, смогут ли эти бабочки заметить и сожрать маскирующий Ки массив, но я отложил проверку на вечер. Когда я изучал записи относительно местных лесов, то не нашел описания таких бабочек. Видимо, торговцы, а точнее, их охранники не обращали внимания на невзрачных бабочек, которые облепляли веревки с печатями вокруг лагеря. Магическим зрением обычные воины пользуются редко, даже если умеют, да и такой талисман стоит недешево, поэтому никто не замечал, что бабочки вытягивают Ки.

У меня зачесались руки зарисовать этих бабочек и описать их поведение. Я взял с собой несколько пустых свитков бумаги, благо в мешочек можно уложить довольно много вещей, но все же не стал тратить время на это. Пришлось бы разводить чернила, писать в неудобном положении, потом ждать, пока чернила высохнут. Сделаю лучше на обратном пути.

Доев запеченную накануне птицу, я двинулся в путь.

Идти было легко и даже радостно. Я привык к тяжелым нагрузкам, и простая ходьба по лесу приносила больше удовольствие, чем усталость. Только мешался длинный хуа цянь. Нести его вертикально было неудобно, так как он цеплялся в ветки деревьев, да и руке было тяжело. Горизонтально – тоже не очень, так как он застревал в кустах, сзади то и дело стучал по стволам деревьев. Я перекладывал его с плеча на плечо, клал на сгиб в локте, пытался приладить копьё в петлях на поясе, но оно было слишком тяжелым и перекашивало набок.

Когда я в очередной раз врезал хуа цянем по ветке, на меня посыпались листья, какие-то шишки, вспорхнула с громким криком птица, и я не сразу заметил небольшого зверька, напоминающего волка с приплюснутым носом. Он приплюхивался, подняв морду вверх, и недоверчиво косил на меня глазом. Я чувствовал себя в полной безопасности под всеми массивами, потому медленно опустил копьё, пригнулся, чтобы не пугать зверька, и пошел к нему. Он снова задергал носиком и внезапно вспыхнул огнем. Я отскочил назад, ожидая атаки, но ничего не было.

Этот зверек всего лишь распушил шерсть, которая лишь на кончиках была серой, а на самом деле переливалась разными цветами: от бордового у корня до бледно желтого к краю. Он взъерошил хвост, и казалось, что передо мной пляшут языки пламени. Лишь после этого я узнал его. В книгах его называли огнешаром. Он не был опасен и чаще всего лишь пугал людей и хищником внезапным изменением окраса и размера.

Когда я подошел к огнешару, он понял, что меня так просто не напугать, и кинулся вперед, оскалив зубы. Массив его, конечно, остановил, но зверь продолжал нападать, раз за разом врезаясь в невидимую стену, и так до тех пор, пока я не отошел от места встречи на несколько десятков шагов. Возможно, поблизости была его нора, и он хотел прогнать меня.

Я бы с удовольствием остался возле огнешара и понаблюдал бы за ним. Как он живет? Где? Чем питается? Мне было интересно, какая у него на ощупь шерсть и захочет ли он подружиться со мной. Но тут я себя одернул. О чем я думал? Разве мне не хватило обожженной огнеплюем руки? Это дикие звери, и они могут лишь нападать или убегать. А мехохвост из Цай Хонг Ши был привычен к людям, ведь он содержался в неволе, да и мне просто повезло.

Я все понимал. И все равно постоянно вертел головой, то высматривая необычную птичку в листве, то протягивая хуа цянь, чтобы невиданная прежде бабочка присела на его древко.

Даже когда на следующий день на меня набросилась небольшая стая костяных собак, тех самых, с кем я сражался в караване Джин Ху, я не испугался, а полюбовался этими красивыми животными. Как интересно двигались пластины, покрывающие их тела, заходили внахлест друг на друга, словно крупная рыба чешуя! Так как массив был пополняемым, я вливал в него Ки, восстанавливая защиту. Спустя какое-то время собаки поняли, что я им не по зубам, но и оставлять столь легкую на вид добычу им не хотелось, потому они тащились за мной, время от времени пробуя барьер на прочность.

Из-за их таякания и кружения я не заметил, как подошел слишком близко к дороге. Собаки резко насторожились, все, как одна, повернули морды направо, наострили уши и бежали. Я сразу же перешел на магическое зрение и увидел силуэты людей, проглядывающих через деревья, синие пятна амулетов и яркое излучение, собранное в одном месте. Кристаллы с Ки? До меня донеслись крики и шум. Сражение?

Я подкрался поближе и увидел разбойников, напавших на караван. Совсем как тогда, с Джин Фу, только вот настоящие разбойники выглядели более жалко, чем наемные. Это были всего лишь какие-то крестьяне, вооруженные цепями, серпами и вилами, зато их было довольно много, десятка три. А вот караван был совсем небольшим, вряд ли он преодолевал такие расстояния, как торговые дома. Возможно, развозил по деревенькам разную мелочь. Там и было-то всего четыре повозки да десяток охранников, и те выглядели не очень внушительно. Обычные дядьки в стеганых тканевых доспехах, если это можно так назвать, с копьями и широкими короткими мечами. Пятеро разбойников лежали мертвыми, один охранник сидел, привалившись спиной к колесу, и безуспешно зажимал рваную рану на животе.

Надо было пройти мимо, через лес. Надо было закрыть глаза. Я же не хотел оставлять следов, потратил кучу времени, обходя деревни, так зачем же...

Я вытащил длинную полоску ткани, запасной пояс, обмотал ей лицо так, чтобы видно было только глаза, концы оставил свешиваться на спину. Выпустил массив, который при столкновении пыхает огнем. Он отлично подходит для отпугивания животных, например, стаи костяных собак, так как его удары болезненны, но не смертельны. И шагнул к несчастному каравану.

Я даже не перехватил хуа цянь для боевой стойки, опирался на него, как на посох, прошел между вопящих разбойников, расталкивая их массивом. Они вскрикивали от ожогов и тут же отскакивали в стороны, замолкая в ужасе. Это действительно были всего лишь жалкие крестьяне, которые с трудом набрали мужества, чтобы напасть на крошечный караван. Двое самых отчаянных, по-видимому, главарей этой банды, накинулись на меня с настоящими мечами, вот только размахивали ими до крайности нелепо, а когда уперлись в массив, он полыхнул пламенем, и они отступили.

– Это маг! – зашептали сзади.

– Господин маг!

– Великий маг!

– Хватит! – прокричал я. – Прекратить бой!

Те разбойники, что насакивали на задние телеги, остановились и попятились в сторону. Один из охранников замахнулся было копьем, но я бросил перед ним огненный шар и, пока люди соображали, что произошло, наполнил кристаллы Ки.

– Благодарю, господин великий маг! – крикнул худой мужчина с тонкими длинными усами, свисающими до груди. На его груди висела табличка, которая гласила, что этот торговец находится под защитой одного из мелких торговых домов. – Если бы не вы, я был бы разорен.

– Ты был бы убит, – поправил его я. Торговец мне не понравился. Его узенькие глазки казались еще меньше из-за нависающих бровей и все время бегали туда-сюда. Он смотрел на меня не как на спасителя, а как на возможность получить некий барыш.

– Схватите этих бандитов! Их нужно всех казнить! Выпороть! И всю их деревню! Думаете, я вас не узнал? Узнал! Я обо всем расскажу в Киньяне, и всю вашу деревню уничтожат! Я знаком с главой торгового дома «Белый камыш».

Кто-то из крестьян не выдержал и швырнул в меня вилы. Массив снова полыхнул, и вилы отлетели в сторону, ударив древком по ноге другого бедолагу. Я обернулся, смерил его взглядом, и вдруг двое разбойников, что с мечами, повалились на колени и уперлись лбами в землю. Остальные, глядя на них, тоже опустили, отложив незамысловатое оружие.

– Господин великий маг! – сказал один из мечников, пожилой мужчина. Если не ключеватая жиденькая борода, его лицо, и без того тощее, выглядело бы, как клин с острием на подбородке. – Господин великий маг! Рассудите нас! Мы не по своей воле напали на караван.

– Кнутом вас никто не гнал! – крикнул торговец.

– Голод хуже кнута, – мужчина поднял голову и посмотрел на меня. – Голод заставит и не такое сделать.

Я растерялся, не зная, как лучше поступить. Я всего лишь хотел остановить убийства, спасти караван, так как сам был в охране, но ввязываться в разбирательства не собирался. Чем дольше я тут оставался, тем больше шансов, что меня смогут узнать в дальнейшем.

– Господин маг, – отбросив страх, обратился ко мне глава разбойников. – Вы – человек большого ума и тысячи талантов, вы выше всех законов, потому сможете рассудить нас по справедливости. Выслушайте нашу историю, умоляю вас, стоя на коленях! Если вы посчитаете, что мы не правы, и нас нужно всех убить, так тому и быть.

– Никто не может быть выше законов, кроме императора, да продлится его жизнь на десять тысяч лет!

Я поднял руку, заставляя торговца замолчать.

– Сначала помогите раненым и уберите мертвых. Вечереет. Тебе стоит расположиться на привал.

После небольшой заминки охранники каравана отнесли своего раненого в сторону, уложили его на землю и дальше занялись разбивкой лагеря. Лекаря в этом караване не было. Торговец, видимо, сэкономил на всем. Крестьяне же выкопали яму, уложили туда своих мертвых, несколько человек плакали. Что делать с ранами, они тоже не знали, потому я не выдержал, пошел к ним и по мере сил прочистил порезы и зашил.

Дышать в повязке было тяжело, но я не хотел, чтобы они увидели мое слишком юное лицо. Маг-подросток? Это было бы смешно. В представлении крестьян настоящий маг должен быть стариком с бородой до пят, окутанный тайнами и морщинами. По крайней мере, так говорилось в сказках, а в реальной жизни самые сильные маги, которых я видел, выглядели иначе. Достаточно вспомнить Мастера или Кун Веймина.

Наконец, все устроились. Торговец сидел, окруженный своими людьми. Там уже бурлил на огненном камне котелок с кашей. У меня от одного запаха потекли слюни. Повозки были поставлены полукругом, отгораживая его лагерь от леса. А напротив стояли крестьяне. У них не было с собой еды, даже камня для обогрева и приготовления пищи они тоже не захватили, лишь вилы и серпы. И по несостоявшимся разбойникам было видно, что их яростный запал сошел, и остались лишь чувство вины и готовность повиноваться.

После моего знака их глава приблизился, снова упал на колени и заговорил:

– Господин маг, мы все из деревни Рыбачий луг. Деревня наша далеко от главных дорог, и к нам не ездят ни торговцы, ни солдаты. Раз в год с нас собирают налоги да господин торговец приезжает два раза в год.

Я обратил внимание на то, что этот человек неплохо выражает свои мысли. Для крестьянина.

– По осени он скупает урожай и продает то, что нам нужно. А по весне зачастую ссужает нам зерно для посева, и за каждый взятый мешок осенью мы должны вернуть больше.

– А почему бы вам заранее не откладывать зерно для посева? – спросил я и тут же устыдился вопроса, так как все крестьяне уставились на меня, как на идиота.

– Мы так и делаем, – пояснил глава, – но если неурожай, то после налогов у нас остается так мало, что мы едва можем пережить зиму.

– Получается, торговец вас выручает.

– И я о том же говорю, – воскликнул караванщик. – Я спасаю их жизни, а они хотят убить меня, неблагодарные твари.

– Сначала он брал полтора мешка за каждый отданный мешок. Потом два мешка. А в этом году он захотел получить три мешка за один. В прошлом году был плохой урожай, и нам пришлось согласиться на это. Но осенью мы останемся с пустыми руками. С нас возьмут обычный налог, и остаток урожая весь уйдет ему! А чем нам кормить детей? Зимой мы просто умрем с голоду. Потому я предложил убить торговца и сжечь его записи. И я готов понести любое наказание.

– Ты не всегда был крестьянином? – спросил я.

– Я был копейщиком в Северной армии. Потом получил рану, был отпущен и вернулся в свою деревню.

Я помолчал, а потом обратился к торговцу:

– Покажи записи.

– Господин маг. Я поступал по закону. Никто не заставлял их брать мое зерно! – запротестовал торговец.

– Покажи записи!

Охранник принес книгу, где было подробно расписано, кому сколько зерна отдано, сколько с каждого надо будет запросить. И там было не только зерно, но и другие товары, за которые крестьяне также должны были отдать свой урожай.

– Господин маг! По весне зерно всегда стоит дороже, чем после сбора урожая, так что моя выгода не такая уж большая. Я и так рискую жизнью, заезжая так далеко от столицы. Никто больше туда не добирается. А крупные торговые дома не станут тратить время на эту деревушку.

Что бы сделал Тедань? Отрубил бы голову торговцу? Сжег записи? Выпорол крестьян и отпустил их с миром? Байсо мог бы съездить в ту деревню и договориться о работе на «Золотое небо», может, забрал бы часть крестьян и обучил их чему-то более толковому. Или, может, отмахнулся бы.

А я... Я понимал и торговца, и крестьян, и от этого становилось только хуже. У каждого была своя правда. Я с тоской посмотрел в лес. Зачем я только вышел к людям? Чтобы судить, нужно обладать недюжинной уверенностью в себе и в своей правоте. А крестьяне смотрели на меня с надеждой, думали, что мудрый маг сможет разрешить их проблемы.

Если бы они убили торговца, то никто бы не смог предъявить им обвинения, но в будущем им бы пришлось выживать самостоятельно, не рассчитывая на весенний привоз зерна. Если я отпущу караван, то торговец может обвинить деревню, и тогда всех напавших на него казнят, а их семьи высекут до полусмерти. Или тоже казнят. Что лучше – жизнь целой деревни или жизнь караванщика и его охраны? Два года изучения законов страны, истории и учения о Ки никак мне не помогли. И самое главное – какое бы решение я не вынес, я не смогу обеспечить его выполнение. Кун Веймин говорил, что самое сложное – не издать закон, а проследить, чтобы этот закон применялся должным образом. Допустим, скажу я торговцу простить крестьян, он согласится, а через месяц деревня уже будет стонать под палками солдат. Меня рядом не будет, и смерть их ляжет на мои плечи.

Серые бабочки потихоньку начали слетаться на аромат Ки. Я слишком надолго задумался. Крестьяне и торговец с одинаковым ужасом смотрели на то, как бабочки садятся на невидимую стену, окружающую меня.

– Ты! – я указал на торговца. – Ты убедился, что жадность не приведет ни к чему хорошему. И даже самые запуганные люди перед угрозой голодной смерти могут взять в руки оружие. Измени их долг. Ты будешь брать не больше полутора мешков за один. Исправь!

Я подошел к нему, проследил за записями, а потом вынул нож и срезал один ус.

– Теперь частичка тебя будет в моих руках. Я всегда буду знать, где ты и что делаешь! Если ты обвинишь крестьян, я найду тебя и убью лично.

Для пушкого эффекта я незаметно запустил в него небольшое заклинание, от которого его пробрала дрожь, и затряслись руки.

– Вы! Возвращайтесь к себе в деревню. Трудитесь лучше на своих полях.

– Но, господин маг! Получается, что я потерял охранника и пережил столько страхов, но ничего не получу взамен? Да еще и зерно отдал почти задаром!

– Они тоже потеряли людей. И получили еще меньше.

– Их долг уменьшился в два раза!

– Хорошо! Я дам тебе и двум твоим людям защиту, которой хватит на несколько дней.

И помни о наказании!

– Полтора мешка зерна лучше, чем выжженная деревня, – пожал плечами торговец.

Я создал массивы для него и его людей. Охранники тотчас же проверили их на прочность, потыкав палками и копьями.

– Защита не бесконечная. Чем сильнее в нее бить, тем скорее она рассыпется.

Крестьяне же не стали ждать утра и сразу засобирались в обратный путь. Как раз меньше всего от моей помощи получили они. Бывший солдат еле сдерживал слезы, но все же нашел силы поклониться мне.

– Господин маг, может, поедете с нами в Киньян? – предложил торговец.

Я отказался, сказал, что хочу попутешествовать по стране. Кажется, именно после этих слов он понял, что я не так-то прост, и что моими угрозами не стоит пренебрегать. После этого я взял тяжелый хуа цянь и последовал за крестьянами. Какое-то время я шел молча рядом с их главой. Становилось все темнее и темнее, и я вынул камнесвет, прикрепил его к лезвию копья и влил в него Ки.

– Ничего не изменилось, – пробормотал мужчина. – И ничего не изменится. Мы так и будем умирать с голоду, сколько бы не работали. Умирать в бою. Умирать под палками.

– Торговцы умирают под копьями разбойников и в пасти диких животных, – откликнулся я.

– Они сами выбирают это.

– Они, как и крестьяне, не видят другого выбора.

– Зачем ты вмешался? Я думал, ты, как легендарный герой, ударишь молнией и сотрешь с лица земли жадного торговца!

– Наверное, я не настолько легендарный. – Помолчав, я добавил: – Я пойду в вашу деревню. Я могу сделать так, чтобы зерно дало больше всходов, а земля – лучший урожай. Если вам досаждают хищники, я могу их прогнать. Если есть больные, я их вылечу.

– Зачем? – удивился бывший солдат. – Герои так не поступают. Они только сражаются со злыми людьми и чудовищами. Их не заботят урожаи, скот или болезни.

– Значит, я еще и не герой.

Глава 3

Равнинное море

Мы добрались до Рыбачьего Луга на третий день. Каждый вечер я ставил невидимые массивы, отгораживая стоянку от леса, а сам уходил в сторону и спал под куполом. Я все еще скрывал свое лицо от крестьян, а спать в повязке на все лицо было крайне неудобно.

Для людей, живущих возле леса, они плохо разбирались в местных животных или в растениях. Решиться покинуть деревню пусть даже и немаленькой толпой было для них очень мужественным решением. Для крестьян лес был населен духами, привидениями, чудовищами и бродячими магами, наверное, поэтому они не особо удивились моему появлению. Например, костяные собаки для них – это обычные собаки, которые попробовали человеческую кровь, от этого на них выросли костяные пластинки, и теперь они хотели сожрать как можно больше людей. После поедания десяти или ста человек, тут они еще не пришли к единому мнению, собака может превратиться в огромного дракона и сожрать целую деревню. Потому каждого пса, который поцарапал хотя бы одного ребенка, нужно убивать. И таких выдумок у них было полным-полно.

Они и днем-то боялись в лес ходить, а оказаться там ночью было смерти подобно. И я еще раз оценил отвагу этих мужчин, которые решились поднять оружие на торговца с охраной, и ради этого провели в лесу несколько ночей.

Даже безобидные бабочки, которые притягивались ко мне, стоило лишь посидеть с полчаса на одном месте, пугали их до заикания. В первое утро они пошли будить мага, а обнаружили лишь кишашую бабочками полусферу. Затем бабочки исчезли и появился я. Какое объяснение они придумали? Проще было бы сказать, что я ночью превращаюсь в бабочек, но они поняли все иначе. Оказалось, что я – изначально лесной дух, возможно, дух-хранитель, днем я могу перекидываться в человеческий облик, вот только лицо так и не научился создавать, потому закрывал его тканью, под которой, конечно же, порхали бабочки.

Это историю пересказал Фань Реншу. В армии он видел много всего: и магов-лекарей, и обычных магов, и даже один раз мага-начертателя, который за большие деньги нацарапал рисунок на шлеме сына генерала армии. Фань был не таким суеверным, но и он опасался меня.

Деревня Рыбачий Луг стояла в излучине реки. Ближе к воде располагались исчерченные полосками воды поля. Обычно в это время рисовые пучки высаживали в землю, но здесь еще даже не приступали к посевам. Поодаль виднелись вспаханные отливающие чернотой участки под овес и ячмень. Крыши небольших домиков неопрятно чернели подгнившим камышом, и возле многих домов сохли свежие пучки камыша, собранного возле реки, и дети ворошили их для равномерной сушки. Женщины собирали тутовые листья для кормления шелкопряда в огромные корзины и относили их в длинный амбар на краю деревни. Издали все выглядело таким умиротворяющим и спокойным.

Когда мы подошли, все население деревушки бросилось к нам. Женщины плакали и вопили, дети прыгали возле отцов и братьев, спрашивая, где они были так долго, старухи неодобрительно качали головами. Меня же старательно не замечали и держались в стороне. Еще бы, странный высокий человек в крестьянской одежде, но с мечом на поясе и очень дорогим боевым копьём, с замотанным тканью лицом.

Фань Реншу растолкал народ и отвел меня к своему дому. А сзади уже поднимался вопль по убитым. Его жена, узкоплечая изможденная женщина, поставила на стол похлебку с несколькими рыбешками, какими-то водорослями и кусочками какого-то неопределенного овоща.

– Еды у нас немного. Чем богаты...

Я не хотел снимать повязку, потому покачал головой.

– Я не задержусь у вас надолго. Покажи семена. Так же я могу помочь с шелкопрядами, уговорить их свить большие коконы с длинными нитями.

Жена Фань всплеснула руками и, не глядя на меня, зашептала:

– Может, сначала к шелкопрядам? Они у нас совсем заморенные, еле-еле листья едят. Если так продолжится, то шелка даже на налог не наберется. Мы давно просим привезти нам яйца других шелкопрядов, наши совсем уже выродились. Нити тонкие, постоянно рвутся, и шелк получается неказистым. Помнишь, как в прошлом году ругался чиновник?

– У нас нет денег на новых червей.

Я вмешался:

– Я не смогу добыть вам новых червей. Сделаю лишь так, чтобы в этом году шелк получился хорошим. Но вам все равно придется покупать яйца.

Женщина закивала и несколько раз поклонилась, все так же не глядя на меня, словно я был невидимым.

Фань провел меня в длинное здание, где вдоль стен были ряды полок с лежащими на них решетками, где ползали мелкие белесые гусеницы. Я заметил, что сюда не доходят звуки из деревни. Ни криков, ни лая, ни рыданий. Тишина. Пол был чисто выметен. Понемногу к амбару возвращались девушки и небольшими острыми ножницами принимались резать шелковичные листья. Я тихонечко прошелся мимо полок, посмотрел на усердно пожирающих листья гусеничек, затем запустил проверочную Ки по всему амбару, заметил других насекомых, которые высасывали кровь из шелкопрядов.

Я выгнал всех из амбара, создал защитные массивы против всех существ, которые мельче кулака, скрепив их сборочной табличкой, совсем как делал Мастер для обучающих троп в Черном районе. Только я не сумел сделать их такими низкоэнергетическими. Затем щедро влил Ки в гусеничек, подстегнув их развитие и здоровье, и отвел часть Ки от таблички на их подпитку. Если все пойдет хорошо, то это будут самые крупные шелкопряды и самые упругие нити.

Затем вышел наружу, там уже собрались чуть ли не все женщины поселка. Именно на них лежала вся работа по выработке шелка: от разведения насекомых до прокраски и создания тканей.

– Я поставил защиту на амбар. Теперь сюда не проникнет ни одно насекомое. Но сейчас гусениц портят мухи, их придется собрать вручную. Если сделаете все внимательно, то больше вам не придется об этом заботиться. Защита будет работать очень долго, если вы время от времени будете вливать немного Ки вот в эту табличку. Совсем чуть-чуть. Одна единица Ки в три дня от каждой.

Они не поблагодарили меня. Да я и не ждал благодарностей. Потом влил Ки в семена, в первые ростки риса. Это не изменит многого, лишь подстегнет первоначальное развитие. А ставить массив на постоянную подпитку Ки для всех полей было бы слишком расточительно. Крестьяне бы попросту не выдержали таких энергетических вложений.

Болезней в деревне толком-то и не было, основная проблема была в плохом питании и истощении. Я влил во всех хворых Ки, так как это больше всего им и нужно было, немного подлатал внутренние повреждения и зашил несколько порезов у детей. Но это все, что я мог. Я не изучал лекарское дело настолько глубоко, чтобы сделать всех за один миг здоровыми, я не погружался в заклинания по земледелию. Законы, боевые искусства, массивы... Нас не готовили к полноценной жизни в деревне.

Напоследок я пропустил заклинание-молнию в реке, и крестьяне натащали целые сети рыбы. Пусть хотя бы наедятся вволю.

Фань Реншу проводил меня до опушки леса.

– Ты действительно сможешь остановить торговца от обвинений?

– Нет. Я могу лишь видеть, где он находится. Но рано или поздно я вернусь в твою деревню. Если он нарушит слово, я найду его и убью.

– Для нас будет уже поздно.

– Верно.

– Зря ты не дал нам убить его там же. Лес большой. Никто бы не нашел его повозки.

Я хотел сказать бывшему солдату, что это неправильный поступок, но все же смолчал. Повернулся и ушел в лес.

До выхода в Равнинное море я видел еще два каравана, но больше к людям не выходил. Не за чем. И так жалел о том, что поддался чувствам и вышел спасать торговца, который того не заслуживал.

А потом передо мной предстало то самое море. Море трав, колышущихся на ветру, их неброская зелень переливалась серебром, пестрели цветы, разбросанные то яркими точками, то приглушенными пятнами: красные, фиолетовые, розовые, желтые; скромные с тремя лепестками и пышные, с огромными кисточками. Басовито жужжали шмели, стрекотали кузнечики, под облаками распевали трели невидимые птицы. Ароматы дурманили голову не хуже смолки. И все это выглядело по весне настолько празднично, ярко и мирно, что казалось немыслимым подумать о том, что тут скрываются хоть какие-то опасности.

«Равнины похожи на игру в кости: никогда не знаешь, что тебе выпадет. Лес – это проверка на мастерство. Равнины – проверка на удачу», – говорил Летящий.

В этот раз я должен был зацепить их лишь по краю. Когда мы шли из Цай Хонг Ши в северный Киньян, то пересекли Равнинное море почти посередине, как я выяснил по картам Джин Фу позднее. Сейчас же я двигался на запад. Согласно записям сыскаря, он шел всего неделю, причем очень медленно, так как следовал за сектантами, где дети и девушки шли пешком. Стада крупных животных, и хищники, следующие за ними, должны были остаться южнее. Впрочем, как раз их-то я боялся меньше всего. Меня пугали змеи, пчелы, растения с ядом и, конечно, зубатые ямы, которые не видны ни магическим, ни обычным зрением. А еще люди. Здесь, как в лесу, не получится просто идти неподалеку дороги, укрытий попросту нет. Идти же настолько далеко от дороги, чтобы меня не заметили, было рискованно. Указателей здесь не было, я мог легко потерять направление или пропустить нужное ответвление дороги.

Немного поразмыслив, я решил идти все же по дороге, но постоянно оглядываться и просматривать обе стороны усиленным зрением, чтобы вовремя заметить людей и скрыться в траве. Ки я скрывал массивом, так что если сделать все быстро, то был шанс остаться незамеченным. Острие хуа цян я обернул широкими листьями, они не помешают в бою, а блеск солнца на металлическом лезвии не выдаст меня.

Еще раз проверил массивы: защитный вокруг тела, сверху него маскировочный, и шагнул на равнины.

Сначала я постоянно оглядывался, останавливался и проверял все пространство, хотя знал, что встречаются караваны тут не так часто. В худшем случае, столкнусь с двумя-тремя за все время. Шел я довольно быстро, сзади меня догнать не могли. Обычно в тяжело нагруженные повозки запрягали яков, а те славились чем угодно, только не скоростью. К тому же западная дорога вела в страну Божественной Черепахи. По словам Джин Фу караваны в соседние страны отправлялись нечасто, обычно для этого несколько торговых домов объединяли свои силы и выставляли сильную охрану.

Идти было легко. Я обмотал макушку все той же тряпкой, чтобы весеннее солнце не напекло голову, копьё можно было нести как угодно – никаких веток, даже несколько раз запевал песни. Мимо проносились желтые пчелы, бессильно ударяясь в массив. Комары и прочий гнус обходили стороной из-за резкого запаха полыни, листьями которой я натерся. Колючки, змеи и прочие ужасы равнины оставались по сторонам от дороги.

Но через несколько часов, при очередном осмотре, я заметил позади металлические отблески, и это не было похоже на медленный торговый караван.

Я осторожно сошел с дороги, проверяя древком копыя землю перед собой. Трава тут была немногим выше колена, и зачастую воины на лупоглазах могли ехать по бокам, поэтому мне пришлось отойти на несколько десятков шагов, отшвырнуть несколько змей, обойти пчелиное гнездо. Потом я улегся, зашвырнул на спину несколько пучков травы и замер.

Путники двигались быстро. Намного быстрее, чем торговцы. Я рассмотрел очень большую крытую повозку, почти как фургон, только укрепленный металлом по всему корпусу. По всей поверхности вились резные фигурки, в окнах колыхались мягкие шелковые занавеси. Тащил повозку не як и даже не вилороги, а настоящий дракон. Я смог рассмотреть изогнутую шею, крупную голову, увенчанную завитыми в тугой пучок рогами, огромные, почти человеческие глаза и волнующуюся на ветру красную шерсть, которая казалась мягче шелка. Таких драконов называют нанкур, их могут держать только очень богатые кланы. Позади повозки ехали еще три поменьше, судя по всему с вещами и слугами. Вокруг каравана было не меньше цзу солдат (цзу – сто), и все верхом на лупоглазах.

К счастью, меня либо не заметили, либо решили не обращать внимания. Когда пыль за ними улеглась, а блестящие острия копий исчезли из вида, я начал подниматься, и возле левой руки заметил дыру, уходящую вглубь земли. Я посветил в нее камнесветом и заметил крючья внутри. Зубастая яма! Меня прошиб холодный пот от того, что я был настолько близко к тому, чтобы угодить туда рукой или ногой.

Я оглянулся. Ни впереди, ни позади никого видно не было.

Вытащил короткий меч и осторожно начал окапывать землю вокруг этой пасти, стараясь не задеть ее саму. Тварь чувствовала, что что-то происходит рядом, по ней пробегали волны, больше похожие на судороги, она то прикрывала отверстие, то раскрывала вновь. От омерзения у меня на руках волосы встали дыбом, но я продолжал работу. Оголил ее длинное чашеобразное тело, покрытое жесткими волосками, кончики которых смотрели наверх. Из-за них зубастую яму так тяжело было вытаскивать наружу: она взъерошивала волоски и упиралась ими в почву. Эта яма оказалась не очень большой, всего полметра длиной, чего хватило бы на умерщвление взрослого мужчины.

Ее тело не очень уверенно держалось, то и дело прислонялось к земляным стенам, и я видел, как оно топорщит волоски, пытаясь закрепиться. Это не могло быть растением, но у зубастой ямы был корень. Я дорыл до конца и обнаружил толстый коричневый жгут. На одном его конце и находилась зубастая пасть, а второй уходил глубоко под землю. Я перехватил хуа цян и с силой рубанул по жгуту. Пасть содрогнулась. Если бы она могла, то сейчас вопила бы от боли. Когда корень был перерублен, тело ямы еще раз дернулось и обмякло. Я нежно взял его кончиками пальцев за оставшийся хвостик корня и внимательно осмотрел. Это не могло быть растением. Из него сочилась жидкость красно-бурого цвета. Значит, это такой зверь? И зубастые ямы – это что-то вроде сотни небольших ртов, разбросанных на большой территории.

Мне захотелось взять этот жгут и рыть дальше, отыскать маленькие пасти и найти основу всего этого. От чего-то эти жгуты же отходят? Может ли быть, что на всем Равнинном море живет лишь одна такая тварь? Если я смогу убить сердцевину, скорее всего, все зубастые ямы сразу же погибнут.

Я не держал зла ни на огнеплюев, спаливших мне руку, ни на костяных собак, ни на мускусных древолазов. Мне нравились кровососущие бабочки. И даже ядовитые змеи казались мне вполне симпатичными, так как чаще всего нападали, если их пугали или шли мимо их логова. Но зубастые ямы воспринимались как что-то темное, мерзкое и бессмысленное. Всем станет лучше, если их не будет. Они пожирают животных и людей, ничего не давая взамен, нападают коварно, и их никак нельзя заметить заранее. Хотя, скорее всего, я просто не мог забыть вида израненной ноги Шрама и не простил себя и эту тварь за его хромоту.

Тело зубастой ямы совсем сдулось и обвисло. На мгновение мне захотелось засунуть руку внутрь нее, но я сдержался, швырнул трупик обратно в выкопанную яму и засыпал его землей. Надо было идти дальше.

Я сделал несколько шагов в сторону дороги, но тут же вернулся, вытащил труп, крепко сжал жгут и, ощущая прикосновение кристаллов к коже, вогнал в него заклинание молнии. Вдох – заполнить кристаллы Ки, выдох – молния. Вдох – Ки, выдох – молния. Это заклинание забирает много Ки даже для активации. Я остановился лишь тогда, когда почувствовал истощение. Колени затекли, рука тряслась, вены на ней выступили толстыми синими жилами. И я ощутил, как один кристалл, висящий под одеждой, рассыпался. Я запустил ладонь за пазуху, нащупал крошки, соскреб несколько и посмотрел на пальцы. Они были покрыты голубоватым песком. Никогда раньше не слышал, чтобы кристаллы разваливались. Видимо, я слишком быстро наполнял и опустошал его.

Жгут обуглился до черноты и вонял сгоревшей плотью. Убил ли я эту тварь? А может, тут их тысячи, и они разбросаны по всему Равнинному морю?

Я медленно поднялся на ноги, опираясь на хуа цян и пошатываясь от усталости, посмотрел по сторонам. Почерневшая трава. Трупик насекомых. Спекшийся в единую массу песок в яме. Рядом с головой пролетела стрела. Подняв голову, я увидел двух всадников на дороге.

– Эй ты! Кто таков? Где остальные?

Не в силах еще раз наполнить кристалл и сказать хоть одно заклинание, я влил чуточку Ки в амулет и понял, что мощный массив, который должен был защищать меня как от оружия, так и от любой магии, исчез. Рассыпался, как кристалл. А я даже не заметил.

Я попытался вытолкнуть хотя бы простенький защитный массив, но меня замутило, к горлу подступила тошнота, и я снова упал на колени.

Глава 4

Игрушка

Я видел, как к всадникам подъехал крепкий мужчина с талантом не меньше пятидесяти единиц, видел, как всадники что-то ему объясняли и показывали в мою сторону, видел, как один из наездников подъехал ко мне и что-то кричал, потом схватил за шиворот и протащил в сторону дороги. Хуа цянь выскользнул из моей руки и остался лежать возле опаленного круга. Меня швырнули на дорогу, всадник провел вдоль тела амулетом, вытащил амулет магического зрения, и я тут же перестал видеть голубые очертания Ки, вытащил кристаллы, снял мешочек, меч с пояса, и все передал высокоталантному мужчине. Тот осмотрел вещи, махнул всадникам продолжать путь, а сам остался со мной.

Он спрашивал о чем-то и спрашивал, и я его слышал, но не мог сосредоточиться и вникнуть в его слова. Тогда он ощупал мне голову, повертел руки-ноги, перевернул на живот, а потом обратно на спину.

– Ладно, пусть господин решит, что с тобой делать, – с трудом разобрал я первую фразу. – Может, ты глухонемой? Или тебя какая-то тварь укусила, и ты стал идиотом? Хотя, – он посмотрел вбок, – больше похоже, что в тебя молния ударила. Но откуда молния? Небо ясное, дождей не было уже неделю. Пустые кристаллы... На что ты потратил Ки?

Я шевельнулся и снова попытался выплеснуть массив. Если бы Добряк встретил случайного прохожего в Равнинном море, то вряд ли бы оставил его в живых. Просто на всякий случай. А я не хотел умирать. Но тело отказывалось меня слушаться. Может, я утратил способность создавать печати разом? Тогда я могу нарисовать их традиционным методом.

Я поднял руку, чтобы начертить хотя бы круг. Мужчина тут же резко отбил ее в сторону.

– Лежи спокойно.

Сотрясаясь земля под лапами лупоглазов. Нас окружили новые всадники. Много. На них блестели доспехи с вытравленными массивами, на головах диковинными мордами раскрывали пасти шлемы, у каждого было длинное копьё, которое возвышалось даже над лупоглазом. Это не армия и не охрана торгового каравана. Снаряжать одного такого воина слишком дорого даже для перевозки кристаллов с Ки и чистого золота, а тут такой был не один.

К нам подъехал господин в еще более богатых доспехах, на груди я заметил вышивку в виде леопарда. Один из высших военных чинов? Здесь, в Равнинном море? Это что, перемещение армии?

– Что тут? – хрипло гаркнул господин с леопардом.

– Нашли одного парня, господин командующий. Без табличек, но явно не из бедных. При нем были пустые кристаллы, амулет, дорогой мешок с вещами, я пока не проверял, что внутри, еще меч и нож. Одет бедно, сам загорелый, но хорошего сложения и ел явно досыта. Зубы белые. Явно умеет управляться с оружием. Возможно, из хорошей семьи.

– Он сказал, как его зовут?

– Не отвечает, господин командующий. Мне кажется, что он не в себе, толком не может двигаться. Его нашли вон в том черном кругу.

Еле заметный жест. Я услышал топот лупоглаза.

– Разрешите обратиться, господин командующий (цзанцзюн).

– Говори!

– Там почернела трава, небольшая яма, откуда воняет гарью. А еще там лежало вот это. Сверху мелькнул кончик моего хуа цяня.

– Это хорошее копьё, – сказал тот мужчина, что меня обыскивал. – Сделано на заказ мастером Ло Чао в Киньяне. По моему мнению, вряд ли оно делалось под этого юношу. Слиш-

ком толстое древко для его руки, если только мастер не сделал его на вырост. И этому копыю уже больше пяти лет. Пять лет назад этот юноша едва ли мог его поднять.

– Значит, вор? – снова командующий.

– Не обязательно, господин командующий. Может, оно перешло ему по наследству от старшего брата или отца. Или кто-то из товарищей оставил.

– А меч?

– Меч новый, господин командующий, почти не использовался, всего одна-две заточки. Уверен, что этот юноша больше сражался копьем, чем мечом.

– Кто бы он ни был, его жизнь не так важна, как жизнь господина. Убей его!

Я дернулся и еще раз сделал попытку создать массив. Безуспешно.

– Господин командующий, я бы все же оставил его в живых. Ненадолго. Боюсь, с ним случилось что-то непонятное, и это случилось прямо здесь, следов других людей рядом нет. Хорошо бы узнать, какая новая напасть появилась в Равнинном море.

– Ты хочешь его расспросить?

– Как прикажет господин командующий!

– Хорошо. А я пока доложу молодому господину.

Судя по звукам, всадники продолжили путь, затем мимо проехало несколько великолепных повозок, ничуть не уступающих красотой и изяществом той, что я видел ранее. Затем пошли повозки попроще, в одну из них меня и закинули, предварительно стянув руки и ноги веревкой.

– Сделай так, чтобы он смог говорить! – сказал мой сопровождающий и уехал.

Внутри казалось темно после яркого солнца. Постепенно глаза привыкли, и я смог рассмотреть и колебания занавесей на небольших оконцах, и полки на стенах, заставленные разнообразными баночками и горшочками с надписями, и отблески от магического светильника, который оставался вне поля зрения. Сильно пахло какими-то травами, топленным жиром и сгоревшими волосами. Кажется, это был фургон лекаря. Что это за господин такой, который может позволить себе взять для защиты чуть ли не императорскую гвардию, в голову охраны – военного чиновника третьего высшего ранга и организовать отдельное рабочее место для какого-то лекаря? Не удивлюсь, если в одной из повозок он вез девушек для развлечения, а в другой – ванну с подогретой водой и ароматными маслами. Или, может, это высокопоставленная дипломатическая миссия? Тогда девушек и ванны не будет, зато будет повозка со свитками, чтецами, указами, наставлениями и еще одна – с драгоценными подарками для императора страны Божественной черепахи.

В голове понемногу прояснялось, я все больше приходил в себя, лишь массивы пока не поддавались моим силам.

Колеса скрипнули, и мы покатались вперед. Несмотря на большие размеры, повозка катилась мягко и тихо. Жаль, я не рассмотрел, кто был в нее запряжен. Не яки, судя по скорости.

– Сделай так, чтобы он мог говорить, – пробормотал кто-то прямо возле моего уха. – Сделай так, чтобы он мог говорить. Сделай так, чтобы в твоей пустой голове появилась хотя бы одна умная мысль! А кто он? Откуда взялся? Можно ли ему вливать смесь, после которой он будет болтать без умолку три часа, а потом умрет? Или его нужно вежливо и аккуратно привести в чувство? На нем веревки. Но почему на нем веревки? Он опасен для меня или для себя?

Я почувствовал, как чьи-то пальцы ощупали мои ноги, а потом двинулись выше. Когда они коснулись горла, я смог увидеть и их обладателя – старичка с высокой лысиной и густой бородой, закрывавшей его чуть не от самых глаз, будто кто-то передвинул его лицо вверх по черепу. Он продолжал меня проверять, не переставая бормотать.

– Крепкий, сильный и тощеватый. Последние несколько дней плохо ел, невкусно ел и мало пил. Много магии. Много боев. А шрамов мало. Ломаные кости, ломаные, но залеченные, очень хорошо залеченные.

Я чувствовал, как он то и дело запускает в мое тело крошечные, едва заметные порции Ки для проверки.

– В теле нет нехватки Ки, полное тело Ки, до самой макушки залито Ки. И при этом энергетическое истощение. Как такое может быть? У него бедная, но крепкая одежда. Может ли такое быть, что у него были кристаллы? Если были, то он мог выпустить сильное заклинание, пролежать без сознания сколько? Час? Да, наверное, час, а потом пришел в себя и забрал Ки из кристаллов. Вот же дурак! Всегда важный, очень важный. Сделай так, чтобы он мог говорить. А он должен говорить. Язык на месте, связки на месте, вон как глазами крутит, значит, и рассудок на месте. Чего ж он не говорит?

Тут старичок отпрыгнул от меня, исчез из поля зрения, потом вернулся со странным приспособлением. Оно состояло из прозрачной твердой полоски, закрывающей глаза, и металлического держателя, который надевался на голову, как обруч.

– А где его Ки? Руками чувствую его Ки, а глазами не вижу. Совсем не вижу. Талант у него маловат, ой, как маловат, но есть, а я его не вижу. А если вот так?

Я не успел опомниться, как старичок распластался на моей груди, вывернул шею и посмотрел вбок, затем снова отпрыгнул, тихо хихикая.

– Ох, какой интересный мальчик! С очень интересным массивом. Но зачем ему массив, который скрывает Ки? Его талант и так едва заметен. Может, он скрывал вовсе и не талант? Что же он такого интересного нес с собой? Может, драгоценнейший амулет? Или кристалл на тысячу Ки?

Поразмыслив, я решил и дальше прикидываться немым. Выдумать правдоподобную историю, как это сделал бы Байсо, я вряд ли смогу. Господин, для которого выдернули элитных воинов и собрали такой караван, видимо, настолько важный и знатный, что мне нужно быть не ниже сына императора, чтобы мне сохранили жизнь. Лучше остаться загадкой, протянуть несколько дней, а когда силы вернутся ко мне – сбежать. Это тоже будет нелегко. Посмотрел бы я на того человека, который сможет удрать от боевого лупоглаза! Но об этом я буду думать позже. Сейчас нужно выжить.

Старичок-лекарь продолжал проговаривать свои мысли вслух, одновременно исследуя меня: щупал пульс, втыкал тонкие серебряные иглы, и я не чувствовал при этом боли, проверял амулетами, пару раз вогнал в меня заклинания, которые я не успел разобрать. Если бы я мог перейти на магическое зрение, было бы проще разобрать.

Лекарь покружил по фургону, к сожалению, я не смог рассмотреть, что он там делал, а потом подошел, и в ворохе его бессмысленных слов я сумел разобрать приказ раскрыть рот. Я замотал головой.

– Он понимает меня, определенно понимает, конечно же, он понимает. А значит, слышит и мыслит. Осталось лишь чтобы заговорил. Нужно, чтобы глупый мальчишка раскрыл рот, я не собираюсь ему вредить, не сейчас, мне же так и не сказал тот глупый человек, можно ли ему вредить. Нужно, чтобы он выпил, и я развяжу его, сниму веревки. Веревки ведь только мешают, кровь приливает к рукам и ногам, мышцы затекают, очень неудобно.

Я открыл рот, он быстро влил какое-то зелье, захлопнул нижнюю челюсть, нажал в область горла, и жидкость проскользнула внутрь. Старичок снова упорхнул, приговаривая:

– Слышит и все понимает. Думает и доверяет. Конечно, я сниму веревки, почему бы и не снять веревки, ведь руки и ноги уже будут бесполезны. А с веревками как бы я смог снять с него одежду и проверить досконально? Хорошо бы, он оказался им не нужен. Давно уже не было провинившихся, слишком давно, все стали послушными, все стали внимательными, а у меня набралось уже пять новых рецептов. Целых пять рецептов. Нужно же на ком-то их проверить.

Я дернулся, попытался пошевелить пальцами рук, ступнями. Они словно онемели. Я их чувствовал, но почему-то не мог двигать. Я моргал, открывал рот, дышал, но все, что ниже шеи, не слушалось.

Лекарь снял веревки, усадил меня, прислонив к деревянной стенке фургона, подпер сбоку небольшим сундучком, а затем раздел, оставив лишь нижние штаны. Поскреб когтистым пальцем татуировку на плече и мелко захихикал.

– Какая интересная штука, очень интересная. Если проверить ее по архивам да по городам, легко будет узнать, кто таков этот мальчишка, но не знатный, точно не знатный. Какой знатный человек позволит поставить клеймо на кожу своего ребенка? А раз не знатный, его отдадут мне, конечно, отдадут. Молодой господин не захочет ссориться со стариком, который нянчил его с детства и лечил его разбитые коленки. Молодой господин знает, что от старика Фучжан никто не уходил. Но ведь я могу и сейчас кое-что на нем проверить? Раз мальчишка решил молчать, так будет молчать, а если заговорит, кто будет слушать его бредни про старика Фучжана? Им интересны лишь всякие глупости.

Я засомневался, а настолько ли хороша идея молчать.

Следующие несколько часов оказались весьма занимательными. Старик не стал пытаться меня или отпиливать конечности, он лишь проверял некоторые теории насчет человеческого тела. Он снова втыкал иглы, порой смазывал их в каких-то жидкостях, вонзал пальцы в самые неожиданные точки и наблюдал за реакцией тела, в основном, через проверочную Ки, хотя то приспособление с головы он так и не снял. Иногда я начинал чувствовать отдельные пальцы и даже шевелил ими, один раз дернул ногой, едва не попав по лекарю, порой меня тошнило, раза три я терял сознание. Я был игрушкой в руках сумасшедшего старика.

И все это время я не прекращал попыток ухватить свою Ки и заставить ее работать. Ни заклинания, ни массивы не подчинялись мне. Я мог лишь выпускать ее, но не более.

Наконец ход повозки замедлился, старик засуетился больше прежнего, натянул кое-как на меня одежду, снова связал.

– А руки и ноги? А зачем ему руки и ноги? Еще немного, и они начнут работать. Но разве они нужны ему? Ему скоро и голова не понадобится.

Снаружи бегали лупоглазы, разговаривали люди, кто-то утробно порывкивал, шелестела ткань, гроыхала посуда, потянулись запахи готовившейся еды. Я лежал на полу лекарского фургона и думал, как лучше поступить. Если верить словам старика Фучжана, меня в любом случае ждет лишь Пропать. Но, может, молодой господин окажется добрым и пощадит меня? Хотя бы на пару дней.

За мной пришли довольно поздно, снаружи совсем стемнело, а к конечностям вернулась подвижность. Тот же пятидесятилетний мужчина спросил Фучжана:

– Ну что, он может говорить?

– Может говорить, может говорить... Язык у него на месте, горло в порядке, дисбаланс Ки я тоже не заметил, но что у него в голове? Может, он забыл, как разговаривать. Может, он захотел забыть. А может, просто хочет молчать. А может, не хочет, но боится.

– Как всегда! Ничего ты не знаешь. И почему тебя еще держат на службе?

Воин легко вытащил меня наружу, снял веревки с ног и сказал:

– Веди себя прилично. Молодой господин хочет тебя видеть. Если вдруг решишь заговорить, то там будет твой последний шанс.

Он развернул меня спиной к повозке, и я замер от удивления.

Что я ожидал увидеть? Привычный привалочный лагерь. Вербки с охранными амулетами по границам, ряд сияющих камнесветов, несколько кипящих котлов. В стороне распрямленные лупоглазы. Словом, то, что я видел в караване Джин Фу.

Сейчас же передо мной предстал настоящий городок. Вольготно раскинулись огромные шатры размером с дом, на их стенах разевали рты диковинные узорные драконы, и когда от

порывов ветра ткань колыхалась, казалось, что драконы шевелились и вот-вот сойдут на землю. Было светло, как днем, огромные амулеты с сотнями камнесветов горели на высоких шестах, расставленных по всему лагерю. Солдаты расположились где-то снаружи, не мелькая на освещенных местах, животных тоже видно не было. Между шатрами раскинули бамбуковые длинные коврики, так что можно было ходить по лагерю хоть босиком. Но этим дорожкам сновали слуги в традиционной одежде, слышался женский смех, играли на музыкальных инструментах. Пробежал служка с подносом, уставленным пышными цветами. Я не сразу сообразил, что это были какие-то изысканные блюда, подаваемые в таком виде.

Перед шатрами стояли роскошные резные паланкины с шелковыми занавесями, а рядом стояли носильщики в ожидании приказов. Почему-то меня окончательно сбили с толку именно паланкины. После целого дня поездки в повозке, пусть даже самой большой и комфортной, неужели не захочется пройтись своими ногами, почувствовать траву и подышать чистым воздухом? Неужели кто-то добровольно влезет в эту коробчонку, чтобы его протащили три шага до соседнего шатра?

– Господин Вужоу, разрешите потревожить ваш покой. Привели того человека, которого мы подобрали днем.

Полотно слегка приподнялось, оттуда выглянула миловидная девушка. Я еще больше опешил. Лицо у нее белое-белое, брови черные, будто прорисованные рукой искусного каллиграфа, глаза красиво очерчены, крошечный капризный ротик. Подчеркивая хрупкость фигуры и изящность шеи, на ее голове красовалась массивная прическа с гребнями и драгоценными подвесками.

– Проходите скорее, господин Вужоу уже заждался, – прозвенел ее голосок.

Мы вошли внутрь, но не увидели господина. Шатер был настолько велик, что в нем отделили помещение для ожидания. Девушка прошла вперед, сообщила о нашем приходе и лишь затем мы удостоились высочайшей чести полюбоваться молодым господином Вужоу.

Сначала мне показалось, что я каким-то чудом перенесся в покои самого императора. Я, конечно, никогда их не видел и даже не мог представить, как они выглядят, но вряд ли император живет еще роскошнее. Мебель из драгоценных пород дерева, инкрустированная золотом, серебром и заполненными кристаллами. Шелковые ковры устилали полы. Охранные амулеты, замаскированные под фигурки птиц, животных и растений, стояли повсюду. Тут были амулеты, которые поддерживали нужную температуру, влажность, свежесть. Амулеты, которые насыщали воздух ароматами цветов. Амулеты, отпугивающие насекомых. Возможно, я не догадывался о назначении половины из них, ведь магическое зрение без кристаллов и амулета мне было недоступно.

Справа стояла высокая расписная ширма, за которой, по-видимому, сидели музыканты и негромко наигрывали спокойную мелодию.

В глубине зала за уставленным яствами столом восседал мужчина лет двадцати пяти. По его виду я бы сказал, что он не привык себе в чем-то отказывать. У него были круглые мягкие щеки, полные плечи и смеющиеся глаза. Он аппетитно уплетал маринованные кусочки мяса и запивал их вином. Рядом с ним сидела девушка, чью красоту я не в силах описать. И не только из-за совершенства ее черт, но и из-за обилия краски на ее лице и драгоценностей на ее теле. Украшения покрывали ее волосы, свисали на лоб, оплетали ее уши, шею, руки. Пожалуй, даже без доспехов она могла чувствовать себя в безопасности.

Мой сопровождающий опустился на колени и ткнулся лбом в пол, я последовал его примеру.

– Ты описывал его как дикаря из леса, – радостно воскликнул господин. – А посмотри, он выглядит вполне прилично и обучен манерам.

Девушка возле него негромко сказала на языке страны Божественной черепахи:

– Он оборванец. Не понимаю, почему ты не приказал его убить.

– Ты сама говорила, что ехать скучно. Пусть он нас развлечет, – ответил ей на нашем языке господин. Они и дальше говорили на разных языках.

– Он даже говорить не может. А скорее всего, не хочет, потому что боится признаться, что разбойник.

– Разбойники не ходят с амулетами и кристаллами на сто Ки.

– Он просто не успел их выгодно продать.

– Ты говорил, что он должен быть неплохим копейщиком. Я хочу проверить его навыки, – обратился господин Вужоу к моему сопровождающему. – Пусть один из твоих людей сразится с ним.

– Как пожелает мой господин. Вы хотите увидеть бой прямо здесь?

– Конечно. Расчистите пространство. И дайте ему зачехленное копье. И его противнику тоже!

Привратница поклонилась, исчезла, а уже через минуту сюда вбежали слуги, расторопно растащили мебель, свернули ковер, и в центре шатра оказалось пространство, подходящее для копейного боя. Несколько охранников в доспехах и с оружием заняли место между площадкой и господином, не закрывая тому обзор. Один из них поклонился господину и встал в центре.

С меня сняли оставшиеся веревки и дали зачехленное копье, не мой хуа цян, но схожее с ним оружие. Я отставил его в сторону и поправил одежду, после старика-лекаря она болталась и перекрутилась на теле. Затем встал в ту самую стойку, которой меня научил Шрам.

Глава 5

Мудрость господина Вужоу

Солдат напротив не торопился начинать, он замер по стойке смирно и вроде бы не замечал меня, его лицо, едва виднеющееся через оскаленные зубы шлема, оставалось бесстрастным. Я перешел в нападение, используя самые первые базовые атаки, и лишь тогда солдат пришел в движение, небрежно отмахнулся от моих ударов. Два из них прошли через его защиту, но уперлись в толстые доспехи, дополнительно укрепленные массивом. Судя по рисунку, эти печати не просто не давали пробить сталь, они еще и обеспечивали мягкую отдачу. То есть даже если врезать со всей силы по его груди здоровенным чеканом, его ребра не сломаются и не проткнут легкие и сердце.

Я немного растерялся. Никто из моих учителей не обучал бою с доспешным воином. Самое главное – было достать острием противника. И это было странно, ведь тот же Кун Веймин не мог не знать о наличии дворцовой гвардии, где все поголовно были снаряжены подобным образом. Идущий к истоку два года оттачивал наши базовые навыки. Впрочем, возможно, на третьем или четвертом году обучения планировалось перейти и к такому виду боя.

Я безуспешно рубил и колол, подсекал ноги и целился в шлем, выискивая слабые места в этих доспехах. Когда я сообразил, как можно нанести хоть какой-то вред без усиления через Ки, сопровождающий остановил бой и знаком приказал солдату покинуть шатер.

– Что скажешь, Дэнг? – лениво спросил господин Вужоу.

– Он обучался копейному бою, но не против доспешного воина. И это было не в армии, не строевая подготовка. Какой-то определенной школы у него нет, всего намешано понемногу. У него был личный учитель, который потратил немало времени.

– То есть он все же из состоятельной семьи?

– Или его обучал родственник или знакомый.

– Тогда вот что. Ты умеешь читать и писать? – обратился господин ко мне напрямую.

Я посмотрел на изречение мудреца, выписанное искусным каллиграфом, которое висело за спиной Вужоу, и кивнул. Оно гласило: «Путешествие в десять тысяч ли лучше прочтения десяти тысяч книг».

– Тогда напиши свою историю. Дэнг – ты идиот. Не мог узнать об этом сам?

Мужчина поклонился.

– Мудрость господина Вужоу опережает ветер и охватывает землю.

И снова безмолвные слуги принесли столик, готовую тушу, бумагу и несколько кистей. Я уселся на пол, скрестив ноги, и начал писать.

В это время золотая девушка заговорила, опять же на черепаховом языке. Я старался слушать ее слова, переводить и одновременно водить кистью по бумаге.

– Вужоу, это путешествие меня очень утомляет, – капризно произнесла она.

Я едва не поставил кляксу. Утомляет? Как путешествие в таких условиях может утомлять? Я не видел ее повозку, но был уверен, что там обстановка не хуже, чем в шатре. Попробовала бы она посидеть целый день в тяжелых жарких доспехах на лупоглазе.

– Почему твой отец не отправил тебя на каком-нибудь летуне? Несколько дней, и мы были бы уже на месте.

– Я уже говорил тебе. Это не увеселительная поездка, – на этот раз господин Вужоу тоже перешел на другой язык. – Я должен найти и подготовить место для всей семьи. Мне придется прожить в чужой стране полгода, а то и больше, чтобы выбрать хорошее поместье, чтобы оно было неподалеку от столицы, но не рядом с торговыми дорогами, с прилегающими деревнями

и землями. Землю иностранцам просто так не продадут, придется много бегать с визитами. А визиты – это большие траты. Как бы я увез все подарки на летуне?

– Мне кажется, твой отец слишком торопится. Зачем уезжать из Киньяна, да еще и так спешно?

– Об этом я тоже говорил. Семихвостая лисица.

– Нелепость! Кто-то выдумал эту историю, чтобы отобрать земли у богатых кланов. Может, сам император и придумал. Захотел проверить на верность своих подданных.

– Может, и так. Но представь, если это правда? Сейчас в Киньяне об этом знают всего несколько человек, а через год или два будут знать все. Что тогда будет? Все захотят уехать, а самая ближайшая к нам страна – Божественной черепахи. Если промедлить, то невозможно будет выкупить достойные места. Когда слухи распространятся, цены на землю у черепах поднимутся до Небес, да и император, скорее всего, закроет выезды из столицы. Нет, отец правильно решил. Лучше успеть и сделать все первыми.

– Но ты уже не первый!

– Знаю. А все по чьей вине? Я собирался выехать с утра.

– Подумаешь. На полдня только и задержались. Я не могла уехать без новых тканей. Я же не знаю, какая сейчас мода в стране Божественной черепахи, и должна быть готова ко всему.

– И клан Люй опередил нас.

– Так давай догоним их!

– Если ты готова одну ночь провести в фургоне, тогда...

– Конечно, я не готова. Ни искупаться, ни отдохнуть. Пусть Люй приедут первыми. Не страшно.

Я так сосредоточился на переводе, что забыл про свои записи и застыл с кистью в руке.

– Кажется, мальчик закончил, – сказала молодая госпожа. – Посмотрим, что он там написал.

– Подай письмо!

Я поднялся было, чтобы передать его, но Дэнг выхватил листок у меня из рук.

– Я сам вам прочитаю.

Он не хотел, чтобы я приближался к его господину. Очень верный слуга. Слуга с талантом в пятьдесят единиц.

– Тут написано: «Моя история началась с того, что я пришел в себя, стоя на коленях посередине дикой равнины. На меня мчался воин на лупоглазе с копьем наперевес. Потом оказалось, что это были слуги благородного господина Вужоу. Господин был настолько добр и щедр, что приютил бесполезного незнакомца без дара речи и даже открыл немного правды о нем. Этот ничтожный человек будет каждый день на рассвете и на закате благодарить Небеса и благородного господина за такую доброту!»

Я собирался написать побольше славословий, но отвлекся.

– Так что, он просто упал с небес? – хихикнула молодая госпожа.

– Ты не помнишь ничего, что было раньше? – нахмурился Дэнг.

Я покачал головой.

– Господин, такому человеку нельзя доверять. Вдруг это шпион? Или подосланный от врагов вашего клана?

– Если бы наши враги были хоть чуточку умнее, то придумали бы ему хорошую историю. Подкинули бы избитого и сказали, что на него напали разбойники. Или еще лучше, на караван бы выбежала испуганная красавица с распущенными волосами и попросила бы защиты. А это всего лишь угрюмый немой мальчишка.

Господина Вужоу явно забавляла эта ситуация. Видимо, он жил в слишком хороших условиях. Я бы на его месте убил такого человека. Его миссия была довольно серьезной и важной. И эта семихвостая лисица. Неужели это правда? Мои мысли снова перебили.

– Может, враги, прекрасно зная о любознательности и доброте господина, специально подкинули человека-загадку?

– Тогда они не ошиблись. Я хочу, чтобы он поехал с нами. Пусть днем он будет в повозке лекаря, слишком уж роскошно для слуги ехать одному, заодно лекарь сможет проверить на нем свои зелья и попробовать вылечить его память. А вечерами мальчик будет развлекать меня.

– И как же немой сможет тебя развлечь? – рассмеялась госпожа. – Спойет или расскажет сказку?

– У нас будет целый день на то, чтобы придумать это. Теперь уведи его. И не забудь накормить!

Дэнг больно схватил меня за шею, хотя я был немного выше его, и вытащил наружу. Старик Фучжан был несказанно счастлив видеть меня, и его счастье вознеслось выше гор, когда он узнал, что сможет поить меня всякими отварами, главное, чтобы к вечеру я был жив и более-менее здоров.

– Не может говорить, мальчик не может говорить и потерял память. Что же делать старому Фучжану? Лечить его голову или не лечить? Мальчик, наверное, голоден. Вот, мальчик может поесть, тут осталось немного риса и яйцо.

Он пододвинул чашку с торчащими из нее палочками. Я недоверчиво глянул на него. Пить из его рук я больше не собирался, но он только что это ел, к тому же откуда старику было знать, что меня вернут, а не закопают под фургоном? А есть хотелось! Целый день я провел голодным, да еще эти запахи в шатре господина Вужоу!!! Как с таким образом жизни и с таким питанием он не стал жирным? Я взял чашку лекаря и осторожно начал есть руками, не хотел брать его палочки и уж тем более подносить их ко рту.

– После еды нужно обязательно выпить чаю. Хороший зеленый чай, никаких лишних трав, никаких цветов или фруктов. В последнее время господа любят портить чай ненужными запахами и вкусами, но старик Фучжан знает, как делать хороший чай.

Лекарь вел себя адекватнее, чем прежде. И хотя он так же не обращался ко мне напрямую, он пару раз посмотрел мне в глаза. Пока он перебирал коробочки в поисках хорошего чая, я смог осмотреться нормально, в кои-то веки не валяясь на полу со связанными конечностями.

Судя по всему, лекарь на ночь не перебирался в шатер, а оставался в своем фургоне. Задняя часть, где мы сейчас и находились, походила на комнату лекаря, где тот делает лекарства, и одновременно на комнату начертателя, в которой делают смеси для нанесения массива на поверхность, а еще на мастерскую швеи из-за длинных серебряных игл. Полки, склянки, столы с каменной поверхностью, некоторые из них были изрядно изъедены, свитки, рисунки и схемы.

Передняя часть фургона была отделена плотной тканью. Я предположил, что там находилась постель Фужчана, его одежда и личные вещи.

– Вот и чай. Хороший чай. Крепкий чай. Правильный вкус и аромат, ничего лишнего.

Старик поставил на столик простенький глиняный чайник и две грубо вылепленные чашки. На толстой обожженной глине можно было рассмотреть даже отпечатки пальцев гончара. Лекарь сам лично разлил чай по чашкам и первым отпил из своей. Я так же отпил из своей. Действительно хороший чай, госпоже Джин Роу бы понравился.

Потом Фучжан кинул мне свернутую лежанку и тонкое одеяло. Я дождался, пока он уснет, приоткрыл дверь фургона и выскользнул наружу, чтобы посмотреть, как охраняется лагерь.

Свет уже не ослеплял. Амулеты изрядно приглушили, так что дорогу разглядеть было можно, но не более того. Дорожки свернули и убрали. Было тихо, лишь порывкивали в стороне лупоглазы да еле слышно побрякивали доспехи солдат. Воины стояли по двое возле каждого шатра, хотя возле лекарского фургона никого не было. Интересно, его боялись или презирали?

– Кто таков? Чего шныряешь? После отбоя никому выходить не разрешается! – окликнул меня один из солдат.

Я жестами дал понять, что мне нужно в уборную.
– Делай прямо здесь. И давай обратно.
И я вернулся в фургон.

* * *

Прошло несколько дней. Караван упорно двигался к границе. Он продвигался в два раза быстрее пешего человека, но выигранное время тратилось впустую из-за долгих вечерних привалов, которые начинались задолго до заката и поздних утренних выездов. Чтобы разложить шатры, расставить в них мебель и приготовить для господина Вужоу ужин, уходило много времени. По утрам он неторопливо поднимался, принимал ванну, завтракал, и лишь после этого слуги могли заняться сбором лагеря.

Каждый вечер я приходил в шатер господину Вужоу, глотал слюну от запахов еды, подслушивал его разговоры с молодой госпожой и переглядывался с красавицей-служанкой, так понравившейся мне еще с первой встречи. Мне казалось, что я тоже ей приглянулся, хоть и непонятно чем: неизвестный бродяга, немой и без памяти. Время от времени меня сажали за письменный столик и заставляли записывать стихи, которые господин Вужоу соизволил сочинить за целый день.

Днем с сумасшедшим лекарем было гораздо интереснее. Он по-прежнему называл меня мальчиком, не обращался напрямую, словно беседуя с кем-то незримым, то и дело втягивал в сложные опыты, но то, что он умел делать, было воистину невообразимым. Я прислушивался к его бормотанию и обнаружил великий ум за старческой оболочкой.

Старик Фучжан создал свою систему лечения, смешав течение Ки, магию, травы, иглоукалывание и Пропасть знает что еще. Один раз к нему привели солдата со сломанной рукой – неудачное падение с лупоглаза, попавшего в зубастую яму. Видимо, моя затея с уничтожением этой твари не сработала. Лекарь прощупал кость, не обращая внимания на стоны раненого, затем иглами совместил раздробленные кусочки, закрепил все это заклинаниями, которых я никогда прежде не видел. К тому времени моя Ки начала понемногу слушаться меня. Массивы выпускать разом я не мог, но чертить рукой уже получалось. Я взял один кристалл на сто Ки прямо на глазах лекаря, и он не стал возражать, потому я мог теперь наблюдать за ним при помощи магического зрения. Заклинание крепежа обхватило сломанные куски кости и мягко сдавило их вместе. Затем лекарь сшил их магической нитью, поставил дополнительно внешнее крепление на руку из тканей, пропитанных белым раствором. Когда они высохли, то превратились в подобие камня. И напоследок он дал солдату целую бутылку напитка для ускоренного заживления.

При этом старик комментировал каждый шаг, постоянно жалуясь на идиотов и их глупые болячки.

– Сломал руку. Всего лишь сломал руку. Скоро так ко мне с каждым прыщиком будут прибегать или с чирьем на заднице. Я, великий Фучжан, должен возиться с глупыми солдатами, которые должны умирать без стоны за своего господина. Мир слишком испорчен, и люди в нем все порченые, балованные, слабые. Всего лишь жалкая рука, которая зажила бы и сама, всего-то подождать два-три месяца, в его возрасте они пролетят незаметно, разве что штаны будет неудобно завязывать, но нет, нужно прийти и побеспокоить старика Фучжоу своими личными проблемами. Глупый солдат должен пить из бутылки по одному глотку каждые три часа, даже ночью. Когда напиток закончится, попросишь своих бесполезных товарищей снять каменную повязку и можешь снова сколько угодно падать и ломать свои молодые кости.

Я прикинул объем бутылки и понял, что через полтора-два дня рана будет залечена. Мне стало до жути любопытно, а что там внутри. Какой чудо-состав старик туда залил? Конечно, я знал заклинание, которое ускоряло лечение, но оно забирало много ресурсов организма, и при

крупных ранениях было опасно залечивать им все и сразу. Я попытался знаками выяснить у него, как сделать такое питье, но лекарь отказался говорить. Он выдал мне чашку с жидкостью и сказал в присущей ему манере:

– Мальчик хочет узнать то, над чем старик трудился не один год, пусть мальчик тоже потрудится. Если мальчик сможет написать хотя бы половину ингредиентов, тогда Фучжан, уж так и быть, скажет ему остальные. Но сначала мальчик должен сесть сюда и смиренно делать то, что ему скажут.

Единственной страстью лекаря были загадки и исследования. Он мог часами возиться над одной задачей. Вечерами он исписывал огромное количество бумаги, где говорил о предпринятых попытках и о последствиях. Когда я понял, к чему он стремится, то перестал сопротивляться и помогал ему в проверках.

Сейчас он искал способ сделать человека сильнее при помощи игл и новых смесей, без вливания Ки в мышцы. Фучжан хотел, чтобы эффект от его действий держался не несколько минут или часов, как это бывает от Ки, а постоянно. Иглами он отыскивал точки закрепления мышцы к кости, причем кончик иглы он смачивал в очередном составе. Я служил ему для проверки, каждый раз записывая свои ощущения и последствия.

А потом я сидел над драгоценной чашкой, вдыхал запах смеси и выписывал все травы, которые могли быть внутри, потом капал каплю на язык и снова угадывал, что это может быть на вкус, выпаривал капли, смешивал их с другими жидкостями. В результате мой список насчитывал около ста позиций, не потому, что там было именно столько, например, если я чуял резкий полынный запах, то писал все травы, которые могут так пахнуть.

Я даже подумывал о том, чтобы сломать себе палец и выпить смесь, чтобы проверить ее действие. Благодаря лекарям Джин Фу я умел довольно точно отслеживать процессы, происходившие в теле при лечении. Но перед тем, как я это осуществил, произошло сразу два события, которые отвлекли меня.

Первое – мы приближались к концу Равнинного моря. Еще день-два, и караван въедет в лес. Уже сейчас все чаще мы проезжали мимо небольших рощиц. На равнинах я не мог сбежать: слишком хороший обзор и слишком резвые лупоглазы. А вот в лесу, стоит сойти с дороги, как меня уже не догнать и не отыскать.

Второе – после очередного приема у господина Вужоу привратница сунула мне в руку записку, в которой приглашала встретиться позади повозки с одеждой господина. Это было совсем рядом с фургоном лекаря. И я не знал, как лучше поступить.

Глава 6

Когда погаснет свет

Вернувшись после приема у господина Вужоу, я допил последние капли зелья, которое дал мне старик, перепроверил список ингредиентов, кое-что вычеркнул и отнес его на проверку.

– Мальчик – большой хитрец, написал множество схожих трав. Что ж, старик Фучжан сам сказал, что мальчик должен всего лишь половину ингредиентов, но не сказал, что там не должно быть лишних. До половины тут не хватает еще одного. Если мальчик добавит правильный, тогда старик назовет ему остальные.

Жидкости больше не осталось. Я перенюхал все травы, что были в фургоне, пробовал на язык некоторые составы, и у меня больше не было вариантов.

Я сдержанно поклонился лекарю и сел возле выхода, ожидая назначенного служанкой времени. В записке было сказано «когда погаснет свет». Это значит, когда закончатся все вечерние работы, и в лагере будут бодрствовать лишь солдаты. Позади старик Фучжан все бормотал и бормотал, наконец, и он уgomонился и отправился спать за ширму.

Снаружи потемнело, и я осторожно выскользнул наружу, сразу же нырнул под колеса фургона. Там тень была гуще всего, и если специально не приглядываться, то заметить движение там было невозможно. Прополз к другому краю фургона, подождал, пока пройдет солдат, перебежал к следующему, так же прополз под ним и вынырнул прямо перед девушкой. Та вскрикнула и зажала себе рот ладонями. Мы замерли, ожидая грозного оклика, но было тихо.

– Ты пришел, – прошептала она. – Ты не подумай ничего такого, я тебя позвала не из-за того, о чем ты подумал.

Я даже не знал, о чем должен был подумать. Ведь не может быть так, чтобы я понравился такой красивой и яркой девушке, которая привыкла жить в роскоши, окруженная превосходными солдатами и ухоженными молодыми людьми! И, кроме того, она была служанкой господина Вужоу, а значит принадлежала ему. Хотя сейчас она выглядела иначе, чем во время ужина. Она смыла косметику, и под всеми пудрами и помадами там скрывалось чистое маленькое личико с ясными глазами. На ней был домашний наряд, никаких украшений, серег и гребней, осталась лишь тяжелая сложная прическа, впрочем, оно и понятно, не каждый же день она будет ее укладывать.

– Сегодня днем госпожа Чунхуа и господин Вужоу говорили о тебе. Госпожа настаивала на том, что тебя нужно убить, и господин согласился с ней, сказал, что в его подорожной указаны имена всех людей, кто пересечет с ним границу, а тебя там нет. И чтобы не было проблем, тебя убьют до того, как караван приблизится к границе. К тому же, как сказал господин, ты уже перестал быть таким интересным. А знаешь, кто тебя убьет? – широко распахнув глаза, сказала девушка. – Тот самый старик, с которым ты делишь кров. Он очень страшный. На второй день путешествия одна служанка принесла ему завтрак и без спроса открыла дверь. Она увидела, как он резал младенца! Она, конечно, тут же закрыла дверь и убежала. Ты не думай, что это выдумка. Она поклялась жизнью матери, что все это правда. Мы думаем, что он убивает детей, чтобы сделать эликсир бессмертия, а может быть, он уже его сделал. Этот старик живет уже целую вечность. Его часто называют не лекарем клана Ци, а палачом. Он уже столько убил!

Все это было довольно интересно, но меня больше заботила моя собственная шкура, потому я перебил девушку: ткнул себя в грудь, провел пальцем по горлу и состроил удивленное лицо.

– Да-да, они тебя убьют. А ты такой, – она опустила взгляд, – такой искренний. Ты похож на моего соседа, когда я еще жила в родительском доме, он тоже был молчуном, но всегда

заботился обо мне, с самого детства. Я даже думала, что выйду за него замуж. Так что, если можешь, убегай. Хотя куда тут бежать? Даже если сумеешь спрятаться от солдат, как может человек выжить в диких местах? А знаешь, – она улыбнулась, – мне кажется, что ты сможешь выжить. Ведь не просто так ты появился перед нами, верно? Девушки думают, что ты прыгнул с Небес вместе с молнией, поэтому у тебя и нет воспоминаний.

Я нахмурился, пытаюсь понять логику ее рассуждений.

– Вен говорит, что ты ничего не помнишь, потому что тебя раньше и не было. Ты появился как раз тогда, когда Небеса тебя отправили вниз. А Кингжао думает, что ты раньше жил на Небесах, ходил там по облакам и слушал пение небесных птиц, а потом сам решил сойти на землю, стер себе память и забрал дар речи, чтобы случайно кому-нибудь не рассказать о чудесах Небес, иначе люди расстроятся, узнав, как плохо они живут, и убьют себя.

Я развел руками, показывая, что у меня нет ответа, а она продолжала щебетать:

– А знаешь, зачем ты сюда пришел? Чтобы спасти нашу страну от семихвостой лисицы. Говорят, когда она придет, то будет размером с три горы, ее хвосты длиной как реки, ее глаза – как два солнца. Стоит ей взмахнуть хвостом, как она сметет звезды. Стоит ей топнуть лапой, как содрогнется земля. Вот только жаль, что господин Вужоу не понимает, что тебя прислали Небеса. Ты ведь появился перед его караваном не просто так, а чтобы показать, что нельзя уезжать из Киньяна. Нужно, чтобы все люди собрались вместе и прогнали семихвостую лису.

Если лиса и впрямь такая, тогда странно, что весь императорский двор не бежит впереди каравана господина Вужоу.

Погас ближайший световой амулет, и стало настолько темно, что я не мог разглядеть очертания девушки. Я коснулся кристалла и перешел на ночное зрение. Она подошла ко мне совсем близко, видимо, от страха, коснулась рукой моего лица.

– Ты очень необычный. У тебя сейчас глаза светятся, как у дикого кота.

Ее глаза казались такими большими и темными. Я наклонился и поцеловал ее. Она сначала застыла, а потом подалась вперед и прильнула ко мне всем телом, но не успел я ее обнять, как она отскочила назад.

– Я знаю, девушки не должны так говорить. Ты мне очень-очень нравишься. Но я не могу принадлежать кому-то другому, кроме господина Вужоу. Если он узнает, что ты меня хотя бы коснулся, то тебя убьют, а меня побьют палками. Ты ведь никому не скажешь?

Я покачал головой.

– И не напишешь? Хорошо, мне пора идти. Постарайся сохранить свою жизнь! – она хихикнула. – Ты пахнешь орехом нуки. Мне нравится!

После этого она осмотрелась по сторонам, еще раз махнула рукой и убежала. А я снова полез под фургон, все еще ощущая на губах ее поцелуй. Орех нуки! Надо же такое сказать. Орех нуки?

Я влетел обратно в фургон лекаря, дописал орех нуки в список ингредиентов, хоть и понятия не имел, что это за такой орех, и лишь после этого опустил на лежанку. И всю ночь мне снилась эта девушка.

Утром меня разбудил старик Фучжан, отвесил легкий пинок и тут же протянул мой список. Там красивыми выверенными иероглифами были добавлены оставшиеся компоненты зелья, но был и недостаток: лишние составляющие вычеркнуты не были.

– Мальчик схитрил, но и Фужан не дурак, пусть мальчик сам решит, что из этого мусор, а что нет.

Я пробежался по всему списку, проговорил несколько раз новые позиции, пока не убедился, что запомнил их все. Я уже убедился на собственном опыте, что единственное, чего не смогут у тебя отобрать, – это ты сам, твои знания и твои навыки.

Днем старика Фужчана вызвали к господину, и после этого визита лекаря как будто подменили. Вернулся тот злобный и коварный тип, который встретил меня в первый день.

Сначала он попытался меня подпоить чаем с парализующим зельем, как будто забыл, что совсем недавно показал мне эту смесь и научил определять ее по запаху, а когда я отказался его пить, чашка полетела мне в лицо. Я едва успел уклониться. После этого он сделал вид, что забыл о моем существовании, его бормотание стало таким тихим, что я сумел расслышать его слова лишь под заклинанием «древесной крысы».

— ... убить. Совсем разучились думать, совсем разучились планировать, совсем разучились быть последовательными. Надо было сразу отдать этого мальчишку, тогда бы Фучжан уже давно снял с его руки кожу и посмотрел своими глазами на его мышцы, воткнул бы иглы куда следует и смог бы проверить все варианты смеси. Но нет, ты, Фучжан, позаботься о мальчике, — сказал он. Корми его, следи за ним, — сказал он. Пусть он помогает тебе в твоих исследованиях, — сказал он. Неглупый мальчишка. Внимательный, осторожный, аккуратный, отличный слуга, хороший помощник. А теперь снова убей? Нельзя провести? Убить одного из идиотов в железках и дело с концом. Это мой человек, — сказал он. А это человек Фучжана. И Ки у него выправляется. Еще несколько дней, — сказал он. — Надо было сразу сказать, что он умрет.

Хорошо, что старик имел привычку все проговаривать. Хорошо, что та служанка меня предупредила. Плохо, что мы еще не добрались до леса. Если бежать сейчас, мне нужна фора. Время, чтобы я смог достаточно далеко убраться от каравана, чтобы даже лупоглазы не смогли догнать.

Я почувствовал что-то неладное, развернулся и по привычке попытался кинуть защитный массив. Впервые после того случая у меня что-то получилось. Он почти сформировался, но все же я не смог разом выплеснуть такое количество Ки, снова накрыла слабость. И старик Фучжан вонзил мне иглу под ключицу, парализовав левую руку. Я ударил его правой по лицу, и лекарь отлетел к стене, словно хрупкая тростинка.

Выдернув иглу и влив в пораженное место Ки, я не стал ждать возвращения чувствительности. Проверил пульс старика — он был жив, хоть и сильно ушиб голову. Очнуться он мог в любой момент. Правильнее было бы убить его. Он мешал побегу, он хотел меня убить, а перед тем содрать кожу и пытаться для своих опытов. Но он был добр ко мне эти дни, а его стремление к знаниям восхищало. Кроме того, сейчас я бежать не мог. Мы ехали по этой Пропастью рожденной равнине в окружении пары сотен всадников. Значит, мне нужно дождаться привала и сходить на обязательный вечерний прием у господину Вужоу.

Я подумал, взял ту самую парализующую смесь, влил ее в рот старика. Ее действия хватит на четыре-пять часов. Когда за мной придут, они должны увидеть старика. И я надеялся, что моей удачи хватит на то, чтобы он не понадобился сегодня в качестве лекаря.

Затем я усадил старика в сидячую позу, скрестив ему ноги, прислонил к небольшому ящичку так, что его не было видно со стороны двери, и руками начертил вокруг него защитный массив. Защитой внутрь. В таком виде он действовал как невидимая клетка, причем я мог передвигать сухонькое тело старика, а он изнутри не смог бы сделать даже шага. Я знал, что массив не вечен, и если долго-долго долбиться в него, он рассыпется. Если сделать все правильно, этот массив даст мне время, необходимое для побега.

Потом я принялся обыскивать фургон в поисках нужных предметов. Вместо нормального оружия я нашел лишь ряд разных ножей, но все они были маленькими, узкими, тоненькими, с острейшим лезвием, которое могло резать пух на лету. Ни одного боевого или хотя бы охотничьего. Этими ножиками можно было срезать кожу с младенца, не задев ни разу мышцы, но как ими свежевать дичь? Я сложил ножи в специальную сумку и отложил в сторону. Затем отобрал несколько банок с ядами, не удержался и схватил пару свитков с полезными записями Фучжана, еще взял пару кристаллов на сто и пятьдесят Ки, интересные амулеты, огненный камень, некоторую утварь, одеяло. Сходил в переднюю часть фургона и проверил все сундуки, что там были, отложил книгу по иглоукаливанию, сбегал и положил в сумку десяток игл, запасную одежду. Постепенно набралось столько вещей, что мне пришлось бы тащить не

меньше своего веса. Потому я большую часть убрал, добавил мешок сухого риса, который старик использовал для быстрого осушения некоторых ингредиентов, полоски сушеного мяса. И стал ждать.

Вечером никто так и не пришел, лишь служанка принесла еды, постучала в дверь и убежала. Значит, господин Вужоу уже вычеркнул меня из списка развлечений. И это было удачно.

Когда внешние огни погасили, когда весь лагерь погрузился в сон, кроме неизменных солдат, я перепроверил массив на лекаре, который уже пришел в себя и молча наблюдал за мной. Молча, потому что я завязал ему рот, как только он очнулся. До того не стал, чтобы старик не задохнулся. Затем я взял темное одеяло, поднос, один из ножей и, как и в прошлый раз, спустился под фургон. Там я вырезал в плотном дерне большой прямоугольник под свою фигуру и отложил его в сторону, затем при помощи острого края подноса принялся выкапывать землю и складывать ее в одеяло. Я не стал рисковать и использовать заклинания. Лучше я провожусь подольше, но сделаю все тихо и аккуратно.

Затем я свернул одеяло, как тук, втащил его в фургон и высыпал в передней части фургона, з ширмой, вернулся обратно и снова продолжил копать. Мне пришлось сделать несколько таких ходок с постоянным прислушиванием и замиранием, когда мимо проходили солдаты. «Ухо древесной крысы» исправно сообщало мне заранее о приближении людей.

Наконец я сложил вещи, которые хотел забрать с собой, в мешок, увы, не тот магический, в который помещалось так много, а в обычный, еще раз перепроверил старика, влил в него остатки парализующего зелья, осмотрел печати, накрыл себя защитный массивом и массивом, скрывающим Ки, и выскользнул наружу. Там лег в яму, уложил рядом мешок и осторожно накрыл себя дерном. В рот я взял небольшую трубочку, через которую мог дышать даже под землей, и снова стал ждать.

Несмотря на то, что земля меня не касалась благодаря защите, я чувствовал себя плохо. Мне казалось, что тонкий дерн давит тяжелым грузом. И я знал, что лежать так придется очень долго. Сначала будет рассвет, потом долгие приготовления господина к завтраку, купание, затем сборы лагеря. Фургон лекаря стоял в стороне от основных повозок, так что риск, что колесо проедет по мне, был невелик, но позади него находились почти все животные. Выдержит ли защитный массив, когда сотня лупоглазов пройдет по мне? Зато после них вряд ли кто заметит тонкие прорезы в дерне.

Я ждал и ждал. Я боялся уснуть и каждую секунду ожидал, что старик-лекарь вот-вот выскочит из фургона и поднимет тревогу. Он видел, как я таскал землю, и понял, что я собирался сделать.

Понемногу лагерь оживал, я слышал тяжелые шаги солдат в доспехах, легкие семенящие – служанок, шаркающие медленные – пожилых слуг. Время тянулось очень медленно. Невыносимо. Во рту давно пересохло из-за трубки, очень хотелось пить, но жажду я еще мог выдерживать, а вот сдерживать позывы сходить в уборную становилось все сложнее.

Спустя целую вечность я услышал дробный топот лап лупоглазов, тягловых животных впрягали в повозки, солдаты запрыгивали в седла. Скрип колес прямо над головой, от чего безумно захотелось выскочить наружу, так как на мгновение мне вдруг показалось, что фургон проедет прямо по мне. Удар сверху взял на себя массив, я лишь почувствовал, как меня вдавливают глубже. Еще удар. Защита понемногу истончалась. Этот массив я чертил руками. Если вдруг он лопнет, я не смогу его восстановить. Сколько весит боевой лупоглаз со всадником в полном облачении?

Удара сыпались все чаще и чаще. И с каждым толчком я погружался в землю. Трубочку забило землей, и я выплюнул ее. Пока держался массив, оставалась прослойка воздуха между моим лицом и дерном. Я еще мог дышать.

Сколько же там этих животных?

Массив рассыпался, и тут же мне на бедра опустилась лапа лупоглаза. Я даже не успел испугаться, как тяжесть тут же исчезла. Лицо засыпало песком, и дерн плотно обхватил мое тело в тиски. Я влил Ки во все мышцы тела, напрягся, готовясь принять следующий удар и... его не последовало.

Может, они заметили, как просела земля? Дерн, скорее всего, осел как раз по разрезам, и любой мог обратить внимание на свежие земляные порезы, слишком ровные и правильные для случайного разрыва. Я еле дышал, ожидая, что траву поднимут и найдут там меня. Но было тихо. Даже топот лупоглазов понемногу затих вдали.

Они уехали?

Уехали!

Я подождал еще целую вечность, хотя прошло, возможно, всего несколько минут, подтянул руку, медленно приподнял дерн, подергал головой, стряхивая землю, и втянул свежий воздух.

Тихо.

Я подтянулся и выполз из-под земли, как из-под одеяла. Не вставая, осмотрелся. На месте стоянки остался лишь навоз после животных, колеи от колес, забытые вещи, остатки после еды. И никого. Только тогда я выворотил дерн, вытащил мешок с вещами, стряхнул, как смог, песок, и побежал в сторону, обратную каравану. Мне нужно было уйти отсюда, как можно дальше.

Глава 7

Ливень

Я бежал и бежал по дороге, нещадно подстегивая тело порциями Ки. Снова начертил защитный подпитываемый массив, сверху массив, что скрывает Ки. Заклинание усиленного зрения и «ухо древесной крысы» на постоянной подпитке. Заполненные кристаллы лежат за пазухой вплотную к коже. Я уже выяснил, что моя способность впитывать энергию из окружающей Ки-сферы не изменилась, но усложнился выпуск ее, поэтому я не мог выплескивать печати, как раньше, и кристаллы заполнялись теперь гораздо медленнее.

А еще я вдруг осознал, что не знаю, как найти дорогу к секте. Жоу указал мне все развилки и повороты дороги по Равнинному морю, вот только со стороны Киньяна. Караван же вез меня несколько дней, и у меня не было возможности посчитать их. Потому я смог найти лишь один выход – отыскать то место, где я пытался уничтожить зубастую яму, и продолжить путь от него. И в этот раз не делать глупостей. Просто бежать. Просто прятаться при виде каравана. Ничего больше.

Пока еще попадались деревья, я отломал ветку и сделал себе посох для проверки земли на наличие этих самых ям. Один конец на всякий случай заострил, полностью затупив один из тонких ножей лекаря.

Животных здесь было не в пример больше. Я пробежал мимо стад антилоп или кого-то им подобным, видел крадущегося хищника, один раз даже заметил троерогого ешу, к счастью, он на меня не обратил внимания. Палкой я с ним вряд ли бы справился. Но меня все еще мучило любопытство насчет зубастых ям, и когда солнце перевалило на другую сторону небосклона, я все же отошел от дороги, проверяя землю посохом.

Благодаря усиленному зрению я сумел заметить одну из них, подошел поближе. Она была живой. Живая яма. Животное. Почти все заклинания, которые могли бы ей навредить, бесполезны, так как либо бьют не выборочно, либо не доберутся до истинного тела. Но она ест. Может, ее можно отравить? Какой-нибудь яд обязательно сможет убить ее. У меня в мешке было несколько склянок с ядами Фучжана, и хотя они предназначены для людей, вполне могли отравить и яму. Но не сейчас.

Я снова бежал. Как и всю жизнь. Бежать из своего домика, сложенного из палок и ветоши. Бежать из Цай Хонг Ши. Бежать из Академии. Бежать из каравана, затирая следы и метки.

Я остановился, как вкопанный. Кажется, перенапряжение сказалось не только на моей магии, но и на голове. Фучжан же лекарь, а лекари обычно умеют ставить метки! Я тут проверил и обнаружил пять меток разной силы, из них две были старательно скрыты. А еще старик умудрился взять немного моих волос и крови. Я уничтожил и метки, и образцы, вот только все это время Фучжан мог отслеживать мое перемещение. Значит, он знал, что я иду обратно по той же дороге.

Оставалась еще надежда, что старик подумает, будто я с самого начала знал про метки и уничтожил их позже, чтобы запутать следы. Ведь я мог после этого свернуть куда угодно. И раз уж я вспомнил про метки, то решил заодно проверить свои, которые оставил на торговце и нескольких крестьянах. Я знал, что торговец мог избавиться от нее в Киньяне, достаточно найти хорошего лекаря и заплатить ему, поэтому-то и взял его ус. Но я лишился его вместе с остальными вещами. Хорошо, что я догадался поставить метки еще и на крестьян.

Метка торговца находилась далеко на востоке, видимо, он уже добрался до столицы, метки крестьян были чуть ближе и воспринимались отчетливее. Пока до них никто не добрался. Пока.

Обратный путь занял целых семь дней, из них два дня я просидел на месте из-за сильнейшего ливня.

Дожди на равнинах выглядели совсем не так, как в Киньяне. В столице ты всегда мог спрятаться под крышами и смотреть, как вода собирается в бурные потоки на вымощенной дороге и стекает между домами по специально отведенным выемкам. Приятно слушать биение капель по черепице, журчание ручьев, и отдаленное гроыхание придает законченность этому музыкальному представлению.

Во время дождя госпожа Роу любила устраивать чаепития на крытой террасе. Слуги выносили широкий низкий столик, квадратные скамейки с подушками, зажигали светильники и расставляли их во дворе без матерчатых абажуров, чтобы ничто не мешало любоваться игрой света на каплях. Заваривался особый чай, который в другое время нельзя было пить: густой, терпкий, ароматный. Затем мы усаживались за стол, выпивали по первой чашке, Байсо шутил и болтал, как обычно, Джин Фу посмеивался, госпожа Роу спрашивала у меня об успехах в учебе, но потихоньку «дождевое настроение» пробиралось к нам в тепло, и мы замолкали. Слушали шум капель, рассыпающийся дробью по камням и доскам, переливающийся колокольчиками по чашкам, которые заранее расставляли для сбора дождевой воды. Вдыхали свежий влажный воздух, напоенный травами. Смотрели на крошечные фонтанчики, взлетающие на поверхности пруда, на призрачные блики от светильников и неясные тени. Иногда госпожа Роу еле слышно читала стихи, и казалось, что это дождь нашептывает красиво сплетенные слова тебе на ухо, иногда мы сидели в полнейшей тишине вплоть до угасания света, закутавшись в теплые одеяла. И каждый раз после такого чаепития я чувствовал себя намного спокойнее и лучше, словно дождь омывал не только крыши и двор сыхющего Джин, но и мою душу.

В Равнинах дождь выглядел, как небесная кара, обрушенная на землю. Внезапно небо потемнело до сумеречного, фиолетовые пухлые тучи спешно сбежались в одну точку над моей головой, ярко полыхнула молния, раскалывая небо на куски, и тут же прогремел гром. Оглушительно страшно. И хлынула вода. Я не видел отдельных капель. Это был сплошной поток, вымочивший меня до последней нитки. Он бил по голове и плечам, стараясь вогнать меня в землю. Поначалу я хотел идти дальше, но быстро отказался от своего намерения. Я отключил усиленное зрение и слух, чтобы не ослепнуть от блеска и не оглохнуть от звуков, затем сжался в комок и начал рисовать подпитываемый защитный массив над головой. Когда закончил, то чуть было не потерял его из-за быстрого выгорания под ударами мощных струй, еле успел влить немного Ки, а потом еще немного и еще.

Я сидел на корточках, не решаясь плюхнуться в жидкую грязь, пополнял массив и смотрел за буйством стихии. Скоро пропитавшаяся земля уже не могла впитывать воду, и та начала скапливаться в огромные лужи, больше похожие на озера. Из нор повылазили змеи и грызуны, мимо меня, извиваясь, проплыл некрупный жабоголов. Дорога и вовсе превратилась в горный поток, хорошо, что я успел отойти на траву. Потом я почувствовал, как что-то притронулось к моей ноге, едва не подпрыгнул, ожидая увидеть еще одну змею, но это была маленькая почесушка. Ее сносила вода, и она вцепилась в полу верхнего халата, чтобы спастись. Я не стал ее прогонять.

Постепенно вокруг меня образовался целый караван из животных. Я не заметил, как струи уничтожили боковой массив, так как все время подпитывал верхний, и небольшие зверьки, поборов страх, прижимались ко мне и прятались от долбящих капель, как под зонтом. Я насчитал десяток почесушек, пару змей, пяток ушастых мышей, потом ко мне прибило серого лисенка. Он сначала скалил зубы и рычал, но вскоре замолчал и просто трясся из-за усталости и холода. Сзади подошла мокрая и несчастная на вид птица. Я не смог узнать ее, так как цвет оперения было невозможно различить. Прокравшись под массив и придя в себя, она взъерошила перья, обдав нас ледяными брызгами, нахохлилась и замерла.

Весь остаток дня и всю ночь я сидел в окружении зверей, не смея сомкнуть глаз. Если бы я уснул, то массив бы иссяк, и тех, кто пришел искать у меня защиты, смыло. Такого я допустить не мог. Лишь на рассвете следующего дня прояснилось. Ливень оборвался, как будто его и не было, но скопившаяся вода уходила медленно. По мере того, как солнце поднималось все выше и выше, звереныши по одному покидали меня. Первой сбежала птица, так как ее перья высохли раньше всех. Лисенок долго нюхал воздух и, предупредительно рыкнув, ушел. Дольше всех оставалась маленькая почесушка, она как будто не могла решить, нужно ей уходить или нет, но стоило мне заговорить, как зверек подпрыгнул и удрал. Видимо, не смог вынести человеческого голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.